

АЗИАТСКАЯ МЕДЬ

АНТОЛОГИЯ
СОВРЕМЕННОЙ
КИТАЙСКОЙ
ПОЭЗИИ

АЗИАТСКАЯ МЕДЬ

АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Сост. Лю Вэнь-фэй

Посвящается Году Китая в России

«Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2007

УДК 895.1
ББК Ш5(5Кит)-335

Азиатская медь: Антология современной китайской поэзии / Сост. Лю Вэнь-фэй. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2007. — 256 с.

Настоящая антология — наиболее представительное собрание современной китайской поэзии новейшего времени. В это собрание вошли стихи сорока с небольшим китайских поэтов разного возраста и опыта жизни, разных поэтических школ и направлений.

Как в капле воды в этом сборнике отразилась вся панорама китайской жизни последних лет — начиная с трагической эпохи культурной революции, через безвременье — к эпохе реформ и нынешнего процветания.

В антологию вошли стихи как традиционные, так и модернистские. Здесь нашли отражение эпоха преодоленного культурного хаоса, «эпоха туманных стихов», «эпоха посттуманных стихов», новейшая поэзия рубежа тысячелетий.

Составителем антологии выступил профессор Лю Вэнь-фэй, известный знаток и ценитель китайской и русской поэзии, переводчик произведений А. С. Пушкина.

И составитель, и издатели, и переводчики надеются на то, что предпринятое ими издание поможет российскому читателю составить адекватное впечатление о новейшей китайской поэзии, чьи темы разнообразны, а стили — бесконечно вариативны.

Для любителей и ценителей китайской поэзии

ISBN 5-85803-358-5

9 785858 033585

© Лю Вэнь-фэй, статья, составление, 2007

© «Петербургское Востоковедение», издание на русском языке, 2007

© Коллектив переводчиков, перевод на русский язык, 2007

© Р. Казакова, статья, 2007

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Как и все китайское общество, китайская поэзия начиная с конца семидесятых годов двадцатого века совершила драматический скачок в развитии: от периода «невежества и закрытости» времен культурной революции китайское общество стремительно перешло к эпохе «реформ и открытости», и точно так же китайская поэзия от пустых политических лозунгов перешла к глубоко лирическим формам, от так называемого «революционного романтизма» — к глубокому многообразию творческих стилей, от преобладавшего в лирике коллективистского «мы» — к подчеркнуто индивидуализированному «я». В новой китайской поэзии настал прекрасный период разнообразия, какого не бывало со времен периода «четвертого мая»¹.

¹ Массовое антиимпериалистическое движение в Китае в мае-июне 1919 года, возникшее под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России и начавшееся 4 мая 1919 года в Пекине протестной студенческой демонстрацией — в ответ на решение Парижской мирной конференции не возвращать Китаю захваченные Японией бывшие германские концессии в Шаньдуне. В области культуры

Под современной китайской поэзией мы понимаем здесь китайские поэтические произведения, созданные после провозглашения реформ за последние тридцать лет; при этом в развитии современной поэзии можно выделить следующие этапы:

— *период, когда поэзия, «совладав с хаосом, возвратилась к истинному»*¹. Сразу после культурной революции некоторые поэты, обладавшие провидческим талантом, стали избирать поэтическую форму, где сосредоточивались на неприятии существующей мрачной действительности, мечтали о человеческой свободе. Эти произведения подпольно создавались и тайно же распространялись, не только сохраняя и продолжая в это непростое время китайскую поэтическую традицию, но и одновременно прокладывая новый путь для

(и литературы в частности) эти события вызвали мощный подъем движения за новую китайскую духовность; был выдвинут лозунг литературной революции; стали появляться реалистические произведения, свободные от условностей предшествующей традиции, написанные на разговорном языке, использовавшие новаторские для Китая методы. Данный период в истории Китая по праву называется «литературной революцией». Одним из ее лидеров был Лу Синь (1881—1936). (Здесь и далее прим. И. Алимова.)

¹ Данный фразеологизм обрел новое звучание после культурной революции, в ходе напряженной партийной дискуссии по поводу необходимости признать ошибки и перегибы, а равно пересмотреть прежнюю абсолютную непогрешимость всех идей Мао Цзэ-дуна.

народного самосознания. В конце семидесятых годов двадцатого века стихи эти, написанные в разное время, постепенно, что называется, всплыли на поверхность, вызвали к жизни еще большее количество сходных поэтических произведений. Так поэзия стала первой ласточкой новой весны китайской литературы и сыграла роль надежного предвестника того, что общественное сознание «с овладав с хаосом, возвратилось к истинному»;

— *«эпоха туманных стихов»*. В конце семидесятых годов двадцатого века подобно молодым росткам бамбука после весеннего дождя стремительно выросла плеяда молодых поэтов — Ши Чжи, Бэй Дао, Гу Чэн, Шу Тин, и др. Их произведения, полные молодого мятежного напора, одновременно были исполнены тонкой лиричности. Новые стихи были по большей части написаны в формах, свойственных поэзии модерна, и сильно отличались от китайской поэзии предшествующих времен, а потому получили название «туманных стихов» — стихов, которые не так просто понять, ибо истинный смысл их не раскрывается, они в высшей степени загадочны. Впоследствии понятие «туманные стихи», непрерывно развиваясь как в смысле формы, так и в смысле содержания, привело к появлению в Китае целого поэтического направления с собственными творческими стандартами ¹;

¹ Это поэтическое направление также известно под названием «Цзиньтянь» («Сегодня»), по названию литератур-

— «эпоха посттуманных стихов». Примерно в восьмидесятих годах двадцатого века из среды авторов «туманных стихов» вышли отдельные поэты, которые начали выражать неудовлетворенность формой современных стихов и существующими вокруг поэтического творчества порядками; они провозгласили лозунг «избавимся от туманных стихов!», стали воплощать в поэзии новые эстетические воззрения. Именно они стали «поэтами третьего поколения»¹. Вскоре, в середине и ближе к концу девяностых годов прошлого века, в поэтических кругах разразилась бурная дискуссия между сторонниками «народного творчества» и ревнителями «творчества интеллигентов», в которой поэтов-народников представляли такие авторы, как Юй Цзянь и Хань Дун, а поэтов-интел-

ного альманаха, основанного в декабре 1978 года Бэй Дао и Ман Кэ. Помимо них к «туманным» поэтам обычно причисляют Ян Ляня, Хуан Юя, Цзян Хэ, До-до, Лян Сяо-биня, Янь Ли, Ван Сяо-ни, Фу Тянь-линь, Тянь Сянь-цина и некоторых других. В ноябре 1985 года вышел сборник «Избранные туманные стихи», ставший своеобразным творческим отчетом поэтов данного направления.

¹ Сюда обычно относят Чжоу Лунь-ю, Лань Ма, Юй Цзиня, Хань Дуна, Си Чуаня, Ван Цзя-синя, Оуян Цзян-хэ, Люй Дэ-аня, Хай-цзы, Ло И-хэ, и др. Перечисленные поэты, объединенные общим неприятием эстетических принципов «туманной поэзии», не выработали какого-либо единого поэтического направления, однако с течением времени создали несколько разных — например, «Шанхайскую поэтическую группу», группу «Они», «Фэйфэй», и др.

лигентов — Ван Цзя-синь и Си Чуань. Споры развернулись вокруг многих вопросов, но прежде всего — вокруг предмета поэзии, ее языка и задач; в результате ясно обозначились границы между двумя разными направлениями: новое поколение китайских поэтов стало отходить от «туманной поэзии», тяготея к политизированной лирике и выбирая для этой лирики новые поэтические формы, при этом массово использовался разговорный обывденный язык — в отличие от «интеллигентов», делавших упор на классическую академичность;

— *китайская поэзия рубежа тысячелетий*. На рубеже веков под влиянием таких существенных факторов, как телевидение, популярная литература, популярная музыка, компьютерные игры и др., в условиях коммерциализующегося общества — с его стремлением к сиюминутности и практической полезности, китайская поэзия, как и мировая поэзия в целом, стала постепенно утрачивать свое общественное значение. Количество ее читателей с течением времени всё больше сокращалось — дошло до того, что, по одному шутовскому выражению, «читателей стихов в сравнении с пишущими стихи стало гораздо меньше». Однако, несмотря на малую востребованность поэзии в обществе, в Китае по-прежнему много поэтов и непрерывно появляются новые и новые авторы. Заметим, что веяния постмодернизма не обошли китайскую поэзию стороной: мы встретим в новых и новейших стихах и склонность к

отрицанию традиционных ценностей, и тенденцию к антиэстетизации, и жестокую язвительность, и самобичевание, и тем не менее стиль постмодерна в современной поэзии представляет собой всего лишь одно направление из многих — и направление чужеродное! — прочие же стихи по-прежнему ориентированы на традицию и потому имеют свою преданную и влиятельную аудиторию.

Составитель настоящей антологии пытался показать цельную картину современной китайской поэзии. Оттого под обложкой данной книги присутствуют поэты трех поколений — старшего, среднего и молодого. Здесь соседствуют поэты, живущие как в континентальном Китае, так и за его пределами. Помимо живущих в КНР поэтов, представлены те, кто нынче уехал и живет за рубежом — Бэй Дао, Ян Лянь, До-до; есть тут и гонконгские и тайваньские авторы — Юй Гуан-чжун, Си Му-жун, Сян Ян, Хуан Цань-жань.

В сборник включены поэты, возраст которых приближается к девяноста годам (такие, как Чжэн Минь и Ню Хань), и есть те, что, как Инь Ли-чуань, вышли на литературную арену в самое последнее время. Помимо мужчин-поэтов, в сборник включены и женщины-поэты — Чжэн Минь, Хуэй Ва, Шу Тин, Си Му-жун, Фу Тянь-линь, Лань-лань, Ван Сяо-ни, Инь Ли-чуань...

Таким образом, в настоящей антологии в равной степени представлена поэзия всех стилей и

тематических направлений — от политической лирики, освещающей процесс становления китайских реформ («Китайские автомобили вызывают о скоростных дорогах»; «Китай, ты стоишь высоко на лесах!») до камерной лирики, направленной исключительно на душевную жизнь человека; от новых стихов классического стиля, продолжающих традиции поэзии «движения четвертого мая», до постмодернистских стихов начала двадцать первого века; от стихов в стиле «народных песен», рисующих жизнь жителей городов и деревень, до стихотворений, посвященных величайшим мировым мастерам поэзии.

В то же время, как и всякий сборник литературных произведений, эта книга не свободна от влияния вкусов и предпочтений составителя, поэтому о ней можно сказать и так: здесь представлена картина современной китайской поэзии в том виде, как ее понимает и чувствует составитель. Составитель всего лишь надеется, что его выбор поможет русскому читателю составить цельное представление о течениях и авторах современной китайской поэзии.

В настоящую книгу вошло несколько десятков стихотворений сорока с небольшим поэтов. Их произведения расположены в хронологическом порядке сообразно годам рождения авторов. После того, как антология была закончена, составитель к своему ужасу обнаружил, что даже и не подозревал о том, что с немалым числом поэтов, чьи про-

изведения вошли в сборник (речь идет о Чан Яо, Хуэй Ва, Ши Чжи, Гу Чэне, Хай-цзы, Ло И-хэ и Гэ Мае), в жизни произошли разные несчастья¹: многострадальный ли удел судьбы определил величавость их стихов, или же самые стихи привели поэтов к трагическому исходу? В любом случае — их жизненный путь есть отражение многих несчастий современного Китая, их потерянные надежды и несбывшиеся мечты свидетельствуют о непростой участи современного поэта.

В августе 2006 года в пекинском издательстве «Народная литература» вышла собранная Максимом Амелиным «Антология современной русской поэзии»². Ныне, когда перед русским читателем предстает наша «Антология современной китайской поэзии», составитель вправе надеяться, что обе книги станут своеобразным мостиком культурного и поэтического взаимообмена между Китаем и Россией³.

¹ Имеются в виду следующие прискорбные обстоятельства частной жизни перечисленных авторов: Чан Яо умер в 2000 году, Хуэй Ва уже много лет страдает психическим расстройством, как и поэт Ши Чжи; Гу Чэн покончил жизнь самоубийством в 1993 году, а Хай-цзы — в 1989; Ло И-хэ умер от кровоизлияния в мозг в 1989 году, а Гэ Май утонул в 1991 году.

² 當代俄羅斯詩選。北京：人民文学出版社，2006。В антологию вошли стихи Р. Казаковой, Е. Евтушенко, А. Вознесенского, и др.

³ Современная китайская поэзия не избалована переводами на русский. Последний известный нам представитель

По некоторым стихам из данного сборника видно, что современные китайские поэты испытывают самые глубокие и теплые чувства как к самой России, так и к ее великой поэзии. Мао Сю-пу посвятил трагедии подлодки «Курск» цикл стихотворений «Погребальные песни Курску» (эти стихи были переведены на русский язык и опубликованы в московском журнале «Наш современник», а сам автор был удостоен правительственной награды Российской Федерации)¹. Поэты Ню Хань и Хуэй Ва в свое время учились в университете на факультете русского языка; в поэзии Хай-цзы, Ван Цзя-синя, Хуан Цань-жэня также звучат своеобразные диалоги, которые они ведут с русскими

ный сборник вышел в 1983 году (Трудны сычуаньские тропы: Из китайской поэзии 50-х и 80-х годов. М.: Радуга, 1983); представленные в нем авторы практически не пересекаются с авторами настоящей антологии. С тех пор, по нашим сведениям, выпуск подобных масштабных антологий больше не предпринимался (о нечастых журнальных публикациях мы в данном случае не говорим).

¹ В «Нашем современнике» (№ 8 за 2001 год) был опубликован отнюдь не весь цикл, состоящий из 54 стихотворений, а всего три из них; некоторые отдельные стихи печатались также в других периодических изданиях (например, в красноярском журнале «День и ночь», № 9—10 за 2006 год). В июле 2002 года за данный цикл стихотворений Мао Сю-пу был награжден орденом российско-китайской дружбы. 3 марта 2006 года в Посольстве РФ в Пекине состоялась презентация двуязычного издания цикла стихов Мао Сю-пу (переводы на русский в указанном издании были представлены в подстрочниках).

поэтами-классиками Сергеем Есениным и Мариной Цветаевой — одним словом, еще до появления этой антологии взаимные связи китайской и русской поэзии, а равно китайских и русских поэтов были уже давно и крепко налажены.

Пользуясь случаем, составитель хотел бы выразить свою глубочайшую признательность всем авторам антологии, всем ее переводчикам и всем тем, кто стал причастен к ее выходу в свет.

И пусть примет мои наилучшие пожелания читатель, который сейчас открыл эту книгу!

Лю Вэнь-фэй¹

¹ Лю Вэнь-фэй (род. 1959) — доктор филологических наук (Москва, 1993), сотрудник Института зарубежной литературы Академии общественных наук КНР, член Союза писателей КНР, специалист по русской литературе. Автор многих книг, статей и переводов (в частности, переводов стихотворений А. С. Пушкина).

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Современная китайская поэзия чрезвычайно разнообразна — как тематически, так и стилистически. В предлагаемой вниманию российского читателя антологии представлены четыре с небольшим десятка поэтов, чье творчество невозможно подогнать под одну гребенку. Это и поэты-традиционалисты, и поэты-новаторы, и поэты-постмодернисты: стихи их различны не только по содержанию, но и по форме. Зачастую форма китайского стихотворения ставит переводчика в тупик, заставляя терзаться выбором: следовать ли одному только духу китайского оригинала, или попытаться соблюсти букву. Впрочем, этот трудный выбор знаком всем переводчикам иноязычной поэзии.

Абсолютное требование к качеству перевода было в свое время сформулировано главой отечественного китаеведения академиком В. М. Алексеевым, который требовал от российских синологов соблюдать и дух и — равно! — букву. Василий Михайлович Алексеев заложил основы русской переводческой школы, отличительными чертами которой стали одновременные художествен-

ность и точность, стремление передать китайский стихотворный текст с максимальным приближением к структуре и образному строю оригинала.

Однако в данной антологии мы имеем дело с современной поэзией, часто новаторской, сложной не только для перевода, но даже для понимания — не зря один из периодов развития новейшей китайской поэзии вошел в историю под названием «эпоха туманных стихов». В этих случаях переводчик волею-неволею представляет свой вариант прочтения, у него нет образцов и примеров перевода, которые позволили бы ему в полной мере соблюсти строй и крой китайского стихотворения.

По этой причине в антологии нашли отражение как академический подход к переводу — когда в оборот русской поэзии вводятся именно что китайские стихи, и их чтение связано с известным усилием преодоления культурных границ (таковы переводы профессиональных китаистов Игоря Алимова и особенно Ильи Смирнова), так и культурный подход — когда переводчик старался сделать иностранное стихотворение фактом именно что русской поэзии, чтобы читатель без особенного напряжения входил в реку китайских стихов (таковы переводы профессиональных поэтов, принявших участие в работе над данной антологией). Некоторые переводы балансируют между стремлением к академичности и тягой к образности (та-

ковы переводы поэтов-новаторов, соблюдающих китайский подстрочник и одновременно преодолевающих его)¹.

Нужно отметить, что возможность полной адекватной передачи всего, что составляет особенности китайского стихотворения и его систему образности, давно признана весьма сомнительной. Однако каждая сколько-нибудь удачная попытка подобной работы внушает оптимизм, решительно необходимый, когда речь идет о наведении культурных мостов.

В связи с этим хочется процитировать выдающегося российского синолога Л. Н. Меньшикова: «Ни у кого не вызовет сомнения самое общее положение: стихотворный перевод должен возможно ближе передавать смысл подлинника и в то же время звучать по-русски как поэтическое произведение, претендуя на то, чтобы занять свое место в русской литературе (вспомним слова Жуковского: "Переводчик в прозе — раб, переводчик в стихах — соперник"; собственные его переводы зрелой поры — лучшее тому подтверждение). Эти два начала (точность в передаче подлинника и благозвучие по-русски) нередко вступают в противоречие между собой. Есть множество переводов,

¹ Все подстрочники для этой антологии (за исключением авторских переводов И. Смирнова, И. Чудновой и Инны Ли, а также переводов Г. Нерпиной и Т. Кузовлевой, подстрочники для которых делала М. Ерофеева) выполнены И. Алимовым.

звучащих по-русски, но при проверке ничего общего с подлинником не имеющих или далеко от него отошедших. С другой стороны, хватает переводов, скрупулезно передающих подлинник, но совершенно беспомощных как стихи (по ироническому замечанию К. И. Чуковского, "если это стихи, то что же такое еловые палки?")»¹.

Издатели надеются, что в настоящей антологии нет «еловых палок», но есть творческие попытки передать строй китайского стихотворения, пускай подчас воспринимаемые не без труда (ввиду отсутствия, к примеру, рифмы). С другой стороны, в антологии много авторских переложений китайских стихотворений, выполненных в манере, куда более понятной и близкой российскому читателю.

Всё это, взятое вместе, напоминает летнее изобильное разнотравье, и мы надеемся, что в нашей антологии каждый читатель сможет найти строки, которые запомнятся ему надолго.

Ольга Трофимова,

главный редактор издательства
«Петербургское Востоковедение»
и участник переводческой команды

¹ Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова. СПб., 2007. С. 15.

НИХАО, КИТАЙ!

Появление этой книги — огромная радость для меня и моих коллег. Задуманное — осуществилось. И мы получили возможность прикоснуться к духовной сути нового Китая. Это — начало нового узнавания друг друга, дорога к взаимопониманию, знанию, подлинной близости.

Я давно испытывала интерес и неосознанное тяготение к Китаю. Вплоть до того, что когда несколько лет назад познакомилась с известным поэтом и художником, моим переводчиком Гао Маном, отведя пальцами наискосок уголки глаз, спросила: «Я похожа на китайянку?» И огорчилась искренне, когда Гао Ман с улыбкой отрицательно покачал головой...

О «культурной революции» в Китае я узнала из статьи, привезенной из Китая Сергеем Сергеевичем Смирновым, автором знаменитой «Брестской крепости». В статье наотмашь ругали молодых писателей моего поколения. Досталось там и мне за «безнравственную» по мнению автора любовную лирику.

Но эти времена давно прошли. И когда в прошлом году, в Год России в Китае, я дважды побывала в этой восточной державе — на книжной яр-

марке, где Россия была почетным гостем, и с делегацией писателей, — я не узнала Китай. Просторный, какой-то воздушный Пекин, чудный старинный Сиань, яркий сверхсовременный Шанхай... Объять это необъятное я сходу, конечно, не могла. Я размышляла:

...Многолюден Китай, необъятен,
он — в былое и в завтра окно.
Для меня в нем полно «белых пятен»
Ну а я здесь —
какое «пятно»?..

Почему-то у меня не было ощущения, что я за границей. Я ходила по магазину, не зная практически ни слова по-китайски, и ухитрилась купить пилку для ногтей, зеленый чай и электрические батарейки. Как я сумела это сделать — не понимаю сама. Но чувствовала я себя очень хорошо, мне было тепло и спокойно. Поездка по Китаю с делегацией лучших русских писателей, приглашенных китайской стороной, все больше приоткрывала, что есть современный Китай. Разговоры с русскоязычными студентами, с переводчиками, старыми и новыми друзьями, знакомство с потрясающими культурными ценностями — подобно знаменитым терракотовым солдатам, а еще с магазинами и тем, что в них продают, все это было не просто интересно. Любознательное восхищение и вдумчивое желание узнать как можно больше о современном Китае — поселились в душе и владели ею.

Тогда-то и родился замысел издания книги современных китайских поэтов на русском языке. Ведь поэзия — не только душа народа, это — самая мобильная идеология, наиболее точное свидетельство, чем живет, что думает и чувствует народ.

Благодаря подвижничеству Лю Вэнь-фэя, составившего эту книгу, благодаря профессиональной и слаженной работе переводчиков и издателей наша антология наконец увидела свет.

Думаю, особый интерес она составит для российских поэтов. Но и обычный читатель, наделенный интеллектом и любознательностью, не пройдет мимо нее.

Опять мы встретились, Китай!
А лет немало пролетело...
«Нихао!»
говорю, Китай.
Меня чужою не считай.
Чужим ни до чего нет дела!

Дорогие китайские коллеги, дорогие друзья: не считайте нас чужими, мы хотим по-новому и надолго стать близкими и неравнодушными, необходимыми друг другу!

Римма Казакова

поэт, первый секретарь
Союза писателей Москвы

ЧЖЭН МИНЬ

鄭敏

Чжэн Минь родилась в 1920 году в Пекине. Стихи начала писать в сороковых годах двадцатого века, тогда же вышел первый ее сборник — «Собрание стихов: 1942—1947», после чего поэтесса замолчала на тридцать лет. Проходила обучение в Бостонском университете, по возвращении на родину в 1955 году работала в Институте литературы Китайской Академии наук и в Пекинском педагогическом университете. *Среди книг:* «Девять листьев» (в соавторстве с Синь Ди), «Поиски», «Сердце», «По утру под дождем я цветы собирала». Стихотворение «Ты прошла осеннюю тропую» посвящено Чэнь Цзин-жун (1917—1989), выдающейся поэтессе и современнице Чжэн Минь.

ТЫ ПРОШЛА ОСЕННЕЮ ТРОПОЮ

Незабвенной Цзин-жун

Так прозрачна и светла тропа лесная.
Сквозь шатер из желтых грустных листьев
Ты прошла осеннею тропюю,
Окунувшись в солнечную грусть, помедлив,
В платье из листвы опавшей.

Нет, не может умереть любовь...
Хризантема, увядая в осень,
Испускает золотистый свет.
Я иду к тебе — ведь ты сегодня
Уж прошла осеннею тропюю.

Твои думы вечной стали тайной
Как иссохшей хризантемы цвет.
Но я слышу ее горький запах —
Невесомый в ветре равнодушном.
Ты, в конце тропы, — не торопись!

1990

ОКРОВАВЛЕННЫЙ ЛИЛИИ ЦВЕТОК

Единственный цветок лишь начал раскрываться,
Как полоснул по стеблю нож.
И ночью темною в июне
Сочилась кровь густая, и бутон
Был заключен в тоску пустыни.

Здесь —
Колонны драгоценной яшмы
С нестертыми кровавыми следами.
Но яшмы белизна скрывает
Так много боли и так много стонов,
Так много помертвевших юных лиц,
Надежд несбывшихся, вопросов безответных!

Единственный цветок лишь начал раскрываться,
Залитый кровью лилии бутон!..
В июне распустился он безмолвно,
В глубоком, душном,
Непроглядном мраке ночи.

ЗОВ

Ты слышал — будто зов далекий?
Когда, неважно — белым днем иль темной ночью,
Порывом ветра легким он скользит в низину,
Потоком слов тишайших, невесомых
Тревожа мириады листьев в кронах —

То дух поэзии от неги пробудился.

Ты слышал — будто зов далекий?
Когда, неважно — на закате, на рассвете,
Незримая рука бесплотным пальцем
Узор выводит на просторах моря,
И волны плещут подле ног твоих —

То тайное письмо от океана.

Ты слышал — будто зов далекий?
Когда в тиши и одиночестве ночном,
В укромном месте схоронясь от мира,
В теснине мрачных дум —
 вдруг, слышишь, птицы,
Лесного зверя шорох беспокойный —

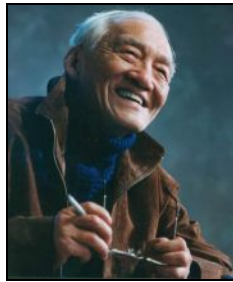
Знай: взяться за перо пора пришла!

Вулкан души терпение отринет,
Кипящей магмы жар взметнется в ночь,
Деревья вспыхнут факелом тревожным,
Драконы когти лавы гору раздерут,
Чтоб в океане в буйных тучах пара
Остынуть...

Лишь стихов руда — навечно.

2005

ЦЗЭН ЧЖО

曾卓

Цзэн Чжо (псевдоним Цзэн Цин-гуна) родился в 1922 году, в городе Хуанпи, что в провинции Хубэй. В 1947 году завершил обучение на историческом факультете Чунцинского Центрального университета, после 1949 года работал заместителем директора газеты «Чанцзян», в 1955 году был несправедливо обвинен и репрессирован. Реабилитирован в 1980 году. *Среди книг:* «Врата», «Дерево на обрыве», «Песни старого моряка».

ДЕРЕВО НА ОБРЫВЕ

Не знаю, что за ветер необычный
Занес сюда то дерево одно,
С равнины на обрыв —
На край глубокого ущелья.

Далекой рощи бормотанье ему мнится,
Сливаясь с песней ручейка в низинах.
Стоит оно здесь сиротливо-одиоко,
Исполнено безмолвного упрямства.

И ствол его изогнут, искривлен,
Давно послушен дуновенью ветра —
Но дерево вот-вот сбежит в ущелье,
Но дерево вот-вот расправит крылья...

1970

НЮ ХАНЬ

牛漢

Ню Хань (псевдоним Ши Чэн-ханя) родился в 1923 году. По национальности монгол, родом из города Динжан, что в провинции Шаньси. В 1943 году Ню Хань поступил на отделение русского языка факультета иностранной литературы Северо-Западного университета. В 1954 году был назначен заведующим редакцией поэзии и эссеистики издательства «Народная литература». В 1955 году был осужден, впоследствии реабилитирован. *Среди книг:* «Цветная жизнь», «Горячий источник», «Избранная лирика Ню Ханя», а также сборники эссе.

ДЕРЕВО В ПОЛСТВОЛА

Да, правда, видел я высокий пень
На лысой горной круче.

Как человек,
Готовый встать лицом к напасти,
Застыл он и уверенно и гордо.

Зимою молния одним ударом
Пронзила дерево от кроны до корней
И расколола ствол до середины.

Когда ж весна пришла,
То пень стоял — как прежде гордо,
Покрытый весь зеленою листвою.

О старый пень,
Высок ты — будто прежде,
Отважен ты — как до удара грома!

Сказали мне,
Что молния, должно быть, еще будет —
Ведь даже полствола и высоки и прямы!

С небес далеких
Молния следит
За непокорным деревом упрямо.

1972

ХУАНАНЬСКИЙ ТИГР

В Гуйлине,
В крошечном зоопарке,
Увидел тигра я.

Я был в толпе,
Что у ограды собралась.
На тигра в клетке
Я смотрел так долго... очень долго! —
Но так и не увидел
Ни полосатой его морды,
Ни пламени исполненных зрачков.

Тигр в клетке...
К толпе он повернулся задом, чтоб не любовались,
На брюхе тихо он лежал в углу.
И кто-то камешки бросал, а кто-то
Кричал, чтобы привлечь его внимание,
Но кто-то и сочувствие выражал —
Не отвечал тигр ни на что!

Лишь толстый длинный хвост его
По временам о землю бил.
О тигр, о в клетке тигр!
Ты, верно, в дреме видел горный лес?
Душа твоя в рыданиях корчилась от униженья?

ГУН ЛЮ

公劉

Настоящее имя Гун Лю (1927—2003) — Лю Жэнь-юн (Лю Гэн-чжи), родом из города Наньчана, что в провинции Цзянсу. Стихи начал писать в 1939 году, в 1958 году ошибочно был причислен к так называемым «правым элементам» и послан на трудовое перевоспитание. Пострадал и в годы культурной революции. Был реабилитирован в 1979 году. *Среди сборников стихов:* «Песенки окраины», «Небесная стража», «На севере», «Белые цветы — красные цветы», «Травы далекой равнины», «Длань бессмертного». Писал также киносценарии, критические статьи о поэзии. Нижеследующее стихотворение было написано Гун Лю по поводу картины сычуаньского художника Ло Чжун-ли, выполненной в технике фотореализма (см. с. 36).

ПО ПОВОДУ КАРТИНЫ
ЛО ЧЖУН-ЛИ «ОТЕЦ»

Отец, отец мой!
Кто эту пластмассовую ручку
Втиснул за твое левое ухо?!
Неужели это и есть процветание?
Неужели это и есть просвещение?
Неужели это и есть развитие?
Неужели это и есть революция?
Отец! Ты слышишь? Ты слышишь?
Целый выставочный павильон,
Полный людей — мужчин и женщин,
Как один немо требует:
Уберите! Скорее уберите
это изысканное украшение!

О, как хотел бы я стать чашкой в руках твоих,
Чтобы целую жизнь быть с тобой неразлучным!
Грубая чашка, с узором из рыбок чашка,
Сродни древней посуде, выкопанной из земли.
Я жажду вытереть пот, что струится по твоему лбу,
Мечтаю, чтобы осушила его прохлада.
Ибо только твой пот и в состоянии растопить
Мое окаменевшее, найденное на раскопе сердце —

Сердце времен династии Цинь!
Сердце времен династии Хань!
Сердце времен династии Тан!
Наверное — еще и сердце времен КНР!

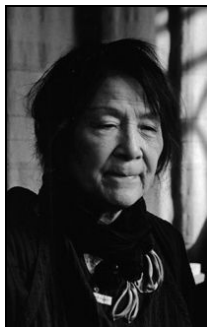
Кто может перечесть — сколько раз ты умирал!
Отец, отец мой!
Некогда ты задремал у земляной стены
И, ласкаемый солнцем, так и не пробудился.
В уголках рта твоего желтая слюна,
Отекшие руки навечно помнят, как вязать снопы...
Некогда ты, согбенный, упорно работал,
 превращая захолустье в поле.
А потом тянул плуг и постромки
 впивались в плоть
 кровавыми печатями.
Не успев дотянуть до конца самокрутку
 из сухих персиковых листьев,
Ты навзничь упал, а небо молча светило тебе
 вечным мириадам звезд.

Отец, отец мой!
Сколько больших урожаев собрал ты!
Но — увы, увы! Все это время золото было
 прямо за твоей спиной!
Повернись, жизнь, вспять, повернись скорее!
Золото должно принадлежать тебе, отец!
 Ты — хозяин!
Хозяин! Понимаешь ты это? Хозяин!

О отец, отец мой!
Долгих лет жизни тебе прошу, долгих лет жизни!
И пусть не будет дольше с тобой
таких пречудных превращений!
О высота небесная! О жизни изумленье!

1981

ХУЭЙ ВА

灰娃

Хуэй Ва (псевдоним Ли Чжао) родилась в 1927 году. В юные годы поступила в детскую художественную школу в Яньани, в 1955 году стала студенткой отделения русского языка Пекинского университета, по окончании которого работала в пекинском издательстве переводной литературы. Стихи начала писать в 45 лет. В течение многих лет страдает серьезным психическим заболеванием. Стихи ее стали известны лишь в девяностых годах двадцатого века по выходе в свет сборника «Родина горного духа».

ОДНА ТОЛЬКО ПТИЧКА ПОЕТ

Одна только птичка поет,
Песню ее не сломит
Безмолвие полное — словно лед.

Желаний в нас больше нет,
Иллюзий растаял дым.
Но птичка песней весть подает.

Ты больше не сможешь петь
Чистую звонкую песню. Так пусть
Проблеск в жизни твоей мелькнет.

НЕ НАДО РОЗ

Не надо роз. Не надо подношений.
И без того лоза льет слезы беспрестанно,
И на могилу в день поминовенья
Приходит леопард, рычащий низко,

И прогоняет тихий мой покой,
Где под землей я пребываю в размышленьях:
Что жизнь моя? Следы какие
Я по себе оставила на свете?

Что потеряла я, когда была живою?
Обрыв высокий? Солнце? Чистый ветер?
Не то, не то! Не нахожу ответа,
И это мне опять смущает душу.

Я бренный мир, исполненный страданий,
Покинула, к чему же размышленья?
Когда в тиши сверчок поет — я слышу.
И слышу, как поток в ночи струится.

И душу мою воды увлекают,
Несут с собой вперед невозвратно...
Венеры свет! Пускай звезда сияет!

Не надо роз.
И ни к чему вопросы.

ДЕТСКИЙ ГОЛОС

Мама. В этой
Безмолвно обступившей меня тишине
Я слышу, как расколосось мое сердце.

Мы, расставшись с тобой,
Воспевали Китай —
Рука в руке.

Потом был
Полон город детскими лицами,
И все стали братьями.

Но люди в форме налетели,
И это изменило нашу судьбу
На годы вперед.

И вот внезапно
Мы вмерзли в тишину,
И в мановенье ока зима настала.

Старые легкие майки —
Все в дырках от пуль.
В наши лбы, в наши живые сердца

Разрывные пули пещерами вгрызлись...
Мама, когда будешь посылать теплую одежду,
Не забудь вложить марли и бинтов,

Не забудь наши учебники и песенники...
Мама, все наши судьбы
Были решены в одночасье...

ЮЙ ГУАН-ЧЖУН

余光中

Юй Гуан-чжун родился в 1928 году, родом из Юнчуни, что в провинции Фуцзянь. В юности учился в школах Цзиньлина и Сямэня, в 1952 году закончил факультет иностранной литературы Тайваньского университета, в 1958 — отправился на стажировку в Америку. Один из самых знаменитых современных тайваньских поэтов. *Среди книг:* «Элегия лодочника», «Голубые крылья», «Сталактит», «Думы об орхидее», «Юность в Улине», и др.; кроме того, Юй Гуан-чжун пишет эссе, занимается научной и переводческой работой.

НОСТАЛЬГИЯ

В детстве
Ностальгия была — крошечная почтовая марка.
Я тут,
А мама там.

В зрелые годы
Ностальгия была — полоска билета на пароход.
Я тут,
А невеста там.

Время прошло,
Ностальгия стала — низкий могильный холм.
Я тут,
А мама в нём.

А сейчас
Ностальгия — мелкий морской пролив.
Я тут,
А родина — там.

21 января 1961

ОСЛИК

Посвящается Вэнь-фэю

Ты говоришь: ничто не омерзительно так слуху,
Как звук скребка в котле иль рев осла.
Не говори так. Не смеши меня.
Насчет скребка в котле не знаю. Но вот ослик —
Уж он-то точно нам кричит о сокровенном,
О милых его сердцу северных равнинах.
И потому я больше прочих ослика люблю.

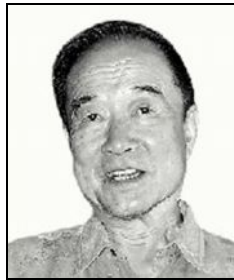
Внимательно взгляни в его глаза:
Чьи назовем грустней, чьи безмятежней?
И если север станет жерновом огромным,
То ослик его крутит неустанно — вкруг ходя,
Нечасто отдыхая под белыми от пуха тополями.
В молчании хозяина он ждет. Иль медленно трусит
Меж ив высоких по обочине дороги,
Покрытый пылью, чутко звуки жизни
Ловя стоящими торчком ушами,
И мелкие его следы уходят в бесконечность.

И ослик тот худой и неуклюжий
Подобен деревянной грубой статуэтке,
И вовсе он не так прекрасен,

Как на картине написал художник.
Лишь в селах севера его увидеть можно
Такого, как он есть:
 в морщинах, грязно-бурого окраса,
Снег видевшего злой и бурю из песка.
Таков воистину — по правде говоря! —
 несущийся из-за Стены Великой,
С дорог, где груз везут за грузом, — крик ослиный.

сентябрь 1992

ШАО ЯНЬ-СЯН

邵燕祥

Шао Янь-сян родился в 1933 году. Род его происходит из Чжэцзяна, но сам Шао появился на свет в Пекине. В 1948 году он поступил в Бэйпинский юридический университет. В пятидесятых годах двадцатого века опубликовал сборники стихов «Пою тебя, Пекин» и «Уходя в далекую сторонку». В 1958 году Шао Янь-сян был ошибочно причислен к «правым элементам». В 1978 году стал работать в журнале «Поэзия», позднее стал заместителем главного редактора журнала. *Среди книг:* «Исторические серенады», «На чужбине», «Поздние цветы», «И радость, и печаль», а также «Избранные стихи Шао Янь-сяна».

КИТАЙСКИЕ АВТОМОБИЛИ ВЗЫВАЮТ О СКОРОСТНЫХ ДОРОГАХ

*В пятидесятые годы
Я не раз слышал
Что китайским дорогам нужны машины...*

Стремясь лететь быстрее, чем на крыльях ветра,
Несемся мимо деревень, родных просторов мимо.
Несемся мимо придорожных хижин.
Несемся мимо придорожных тополей.
Лишь за окном мелькают телеграфные столбы —
деревьев выше.

За стенкою стена, лачуга за лачугой —
Мгновенно остаются позади,
Все до одной мгновенно остаются позади.
И веером поля раскидываются в миг,
И складываются во мгновение ока сзади...

К чему простонародные напевы!
К чему рассказы о былых делах!
Нужна лишь скорость!

Скорость!
Скорость!
Ведь шар земной вертётся все быстрее
И мы на нем проложим новый путь!
Теперь нельзя стрелять зерном из ружей,
Теперь нельзя бумажным флотом биться,
Теперь нельзя на ноги уповать —
Стремительно летят вослед колеса!

Машины вязнут в жидкой грязи на дорогах,
На узких и опасных резких горных поворотах
Едва не падают, вертясь, во глубь ущелий.
Но все равно: вперед!
Вперед — единственный наш путь.
Теперь нельзя бахвалиться баранкой,
Плеться со скоростью коровы старой!
Еще быстрее!
Еще быстрее!
Вот это — наша безопасность,
И процветание народа,
И счастье для людей!

Еще быстрее!
Еще быстрее!
Мечтали долго — десять, двадцать лет,
Но подступил уж семьдесят восьмой —
А скоростных дорог в Китае нет как нет!

И хоть бескрайни родины просторы,
Но на дорогах деревенских узких

Все так же сушится зерно под солнцем,
И сильно тормозят движение
Под ветром парусящие повозки.
О сколько тут препятствий и препон!

Да и в столице горячо любимой нашей
Машины часто забивают все дороги.
Деваться некуда: плетешься черепахой —
Вот красный загорелся! Снова красный.
Препятствий столько на пути! Заторов!

Вот солнце — у него своя дорога,
Особая, как, впрочем, и у звезд.
Нельзя же заступить светилам путь,
Чтобы они самохотеньем объезжали пробку.

Ах, родина моя,
Страна родная,
О время драгоценное мое,
О драгоценная моя земля!

Пустые речи не наполнят бак бензином,
Призывами дорогу не построить.
Так что же, мы не сможем проложить
Одну хотя бы скоростную трассу?
А сколько было горьких чувств,
А сколько было гневных слов,
А сколько копий сломано вокруг —
Хотя бетона-то у нас теперь в избытке!

Мои
Туго перестраивающиеся
Дорогие товарищи!
Послушайте: китайские машины
Взывают
О дорогах скоростных!

26 декабря 1978

ЧАН ЯО

昌耀

Настоящее имя Чан Яо (1936—2001) — Ван Чан-яо, родом из Таоюаня, что в провинции Хунань. Публиковаться начал в 1954 году, но широкое признание к нему как к поэту пришло лишь в восьмидесятых годах двадцатого века. В 2001 году, заболев, покончил жизнь самоубийством. *Среди книг:* «Лирика Чан Яо», «Стихи Чан Яо», и др.

РОГА ОЛЕНЯ

Рога на голове оленьей —
Два деревца, питаемые кровью.
И в дымке солнечной —
Прекрасны, драгоценны —
Вздымаются они ветвям подобно,
Петляя меж болот, озер, обрывов,
Охотников легко мороча.

Лишь много лет спустя
Трофей, доставшийся мне столь недавно,
Ударит звуком, эхом разметавшись, —
Громом ружья.
И в этот вечер
Ему ответом будет стон равнины,
Несущийся с высоких гор.

Летучие рога олени
Вдруг наземь упадут...
Печально.

2 марта 1982

НА КРАЮ СНЕЖНЫХ ГОР

Вот это — высота всей моей жизни:
Опасливо вытягиваю шею,
В восторге замерев у тоненьких перил — там,
Встающее среди снегов
 столь долго, неохотно солнце
Выпрыгивает вдруг в просторы гор и морей.
Щебенка мелкая некстати
Слетает вниз, тревожа стаю птичью,
 мятущуюся с криками по небу,
Подобными далекого сраженья стону.
От неожиданности пальцы, словно клинья,
 вбивает в щели валуна.
И выступает кровь, сочится
 по яростно ободренным ладоням.
О, как бы я желал, чтоб соколы иль барсы
 меня бы приняли в свою семью!
Но, как и ранее, по вековому камню
Ползет лишь мелкий жалкий паучок,
Со мною молчаливо разделяя
 природы созерцанья радость.

*2 августа 1962,
27 июля 1983*

ЧЕЛОВЕК

Предел покоя — чья судьба?
По Миссисипи пронеслась гроза и — снова тихо.
Перед стеной земного шара
в безмолвье одиноко человек сидит.

31 мая 1985

ЖИЗНЬ

Я помню, помню
Липкий лютый ужас,
Как океан застыл в мгновение ока,
И смерзлись волны в ледяные горы,
Меж них застряли корабли в ущельях,
И за иллюминатором холодным
Искрились бело-мертвые пейзажи —
Насколько глаз хватало. И в испуге
Я захрипел, рванулся и... проснулся.

В окне играл рассвет.
Я улыбнулся:
Машина мироздания не сломалась.
Передо мной в осеннем чае солнца
Чайники, одуванчика пушинки,
Кружили вальс, проказливы, как прежде,
И как всегда — прекрасны.

СИ МУ-ЖУН

席幕蓉

Си Му-жун родилась в 1943 году, по национальности монголка. Закончила факультет искусствования Тайваньского педагогического университета. *Среди книг:* «Искания души», «Весна без печали». Постоянно проводит персональные выставки в разных странах мира.

ПЕСНЯ О ВЕЛИКОЙ СТЕНЕ

Что на стене, что под стеной,
Везде — сражений череда.
Захватывали край родной —
И отдавали навсегда.
Но, сути каменной верна,
Холодный и бездушный храм,
Была бесчувственна стена
К людским страданиям и страстям.

Когда я о тебе пишу,
Слова ложатся невпопад.
Тебя я в песне возношу,
В ответ — огня пылает ад!
В огне змеится, как живой,
Тысячелетний облик твой,
Твои — сквозь дебри и века —
деревья, ветер, облака...

Луна льет свет, сродни реке.
И я куда-то поплыву,
Когда прорвется Хуанхэ
В мой сон бессонный наяву.

ФУ ТЯНЬ-ЛИНЬ

傅天琳

Фу Тянь-линь родилась в 1946 году, родом из Сычуани. В 1961 году закончила Чунцинский электротехнический техникум, позднее стала работать в местном издательстве. Стихи пишет с 1978 года. *Среди книг:* «Зеленые ноты», «Между ребенком и миром», «Музыкальный остров», «Красный мох», «Еще одно пророчество», и др.

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Я твоя чернокожая мама,
Белокожая мама,
Желтокожая мама.

Любовь моя черна — как уголь,
Бела — как снег,
Желта — как глина.
Границ не знает любовь моя,
Границ не знает любовь к тебе.

Ты — белым снегом укрытый росток,
Ты — в желтом лёссе пробившийся ствол,
Ты — яркое пламя пылающего угля,
Ты жизнь, ты сила, ты — это я.
Дитя! Ты — мое дитя.

ЛЮБОВЬ

Ветру вслед она идет, вслед течению воды,
Забывая тут же всё, что осталось позади.
На спине её — дитя.

Неразрывно, навсегда, крепко связаны они.
За спиной — то смех звучит,
То надрывный слышен плач.
Нежной ткани полоса прижимается к спине,
И крест-накрест — на груди —
словно бабочка сидит.

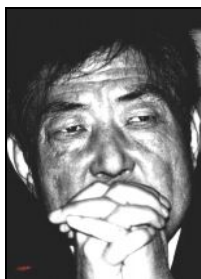
А она идет-идет.
Материнская любовь — бесконечная любовь —
Как в бамбуковой корзине дорогие семена.
И ребенок на плечах,
 будто саженец, растет,
А как осень подойдет —
Вдруг она услышит голос дорогого колоска.
Только бабочка-завязка вьется-вьется на ветру.

Мать с ребенком навсегда —
 вместе — связаны они.
Нету отдыха завязкам день и ночь.

Нет у отдыха завязкам даже в сильную грозу.
Вот когда ребенок сам, наконец, пойдет пешком —
Бабочка ослабит крылья и спокойно отдохнет.

Ветру вслед она идет, вслед течению воды,
И не знает, что ее взял художник в свой пейзаж.
И не знает, что она
У него на полотне навсегда уходит вдаль —
Вечная святая мать.

ШИ ЧЖИ

食指

Ши Чжи (букв.: «Указующий перст») родился в 1948 году, вырос в Пекине. Настоящее имя — Го Лу-шэн. В годы культурной революции, как и все его поколение, был отправлен в деревню «на перевоспитание». Затем служил в армии, работал лаборантом и вахтером в НИИ. Долго и тяжело болел, лечился. Начало поэтического творчества датируется концом шестидесятых годов двадцатого века. Его стихи, передававшие трагедию юности, погубленной культурной революцией, переписывались от руки и получили широкое распространение в китайском андеграунде. В настоящее время признан предвозвестником нового течения в китайской поэзии — эпохи «гуманной поэзии». Среди сборников: «Верь в будущее», «Стихи Ши Чжи», и др.

ВЕРЬ В БУДУЩЕЕ

Когда нищетою дышит жилище,
Когда паутиной заткана дверь,
Я разгребаю отчаянья пепел,
Пишу снежинками:
 «Верь в будущее, верь!»

Когда виноград обращается в воду,
Когда мой цветок обрывает зверь,
Я на земле, пустой и бесплодной,
Пишу упорно:
 «Верь в будущее, верь!»

Я моря валы отведу мановеньем,
Я солнце поймаю в пучине потерь,
Чтоб лучиком теплым, как кистью старинной,
По-детски выписывать:
 «Верь в будущее, верь!»

Я верю в будущее —
В грядущие поколенья,
В ресницы, сметающие пыль веков,
В глаза, распахнутые нам навстречу,
 Читать умеющие между строк.

Мы в прах рассыплемся.
Но сомненья,
Блуждания мысли, душевная боль
Останутся людям —
 пусть кто-то смеется,
Но кто-то заплачет горючей слезой.

Мы шли, мы искали —
 искали успех в пораженье,
Теряли дорогу и вновь находили.
Что скажете вы, грядущие люди?
Я жду.
 Я хочу, чтобы нас оценили!

Друзья,
 грядущее завтра наступит.
Я верю, что юность сильнее смерти.
Поверьте в упорство своих усилий.
Цените жизнь и грядущее.
 Верьте!

1968

ЭТО ПЕКИН
В ШЕСТНАДЦАТЬ НОЛЬ ВОСЕМЬ МИНУТ

Это Пекин в шестнадцать ноль восемь минут —
волны рук поднимает перрон.
Это Пекин в шестнадцать ноль восемь минут —
от гудка содрогнулся вагон.

Вой протяжный уши дерет —
закачался огромный вокзал.
Я в окно поглядел, чуть разинув рот:
Что случилось — кто бы сказал?

Вдруг кольнуло в груди.
Я знаю:
это мамина нитка прошила сердце.
И оно, как воздушный змей, куда-то поплыло.
Ну а нитка осталась в руках у мамы.

Натянулась до звона — вот-вот оборвется!
Я тянусь из окошка — вон из вагона.
И сейчас, вот в самую эту минуту,
я все понял. Сейчас я все понял.

Это волны прощания
подмывают вокзал,

и Пекин дрожит и уходит —
из-под ног у меня уходит!

Я тянусь, я машу Пекину рукой,
я пытаюсь его ухватить за ворот,
Чтобы нежно крикнуть ему:
«Постой!
Ты запомни меня! Ты мне дорог».

Наконец-то попалась — чья-то рука.
Я вцепился поверх пригнувшихся спин:
Не пущу, не отдам!
Это ведь мой Пекин.
Это мой последний Пекин.

20 декабря 1968

ЛАВРЫ ПОЭТА

Лавры поэта — какое мне дело?
Мне важны мгновенья — печаль или радость.
Рождаются строчки, ложась на бумагу,
Но сам я за них не дам ни копейки.

Что я такое?
Плевок на асфальте,
Нечайно приставший к девичьей ножке.
И я понимаю:
я ей не нужен —
Тут просто случайность, неосторожность.

Я — мерзкая ругань, которую пишут
Мальчишки на стенах священного храма.
Года не стирают поганую надпись,
Но храм недвижим —
он стоит в моем сердце.

Пристали с вопросом: «Что ты такое?»
Да что вам угодно!
Но не зовите поэтом.
Я — мелочь,
я — жертва, растертая с грязью
Истории несправедливым движеньем.

*1986 год,
в психиатрической клинике*

МЫСЛИ О СМЕРТИ

Мысли о смерти —
это северный ветер,
снежный траур
гор и равнин.

Мысли о смерти —
это парус, который белеет,
растворяясь в дымке осенней.
И серебряный иней осыпает дорогу,
как бумажные деньги
в похоронном кортеже.

Мысли о смерти —
это мерцанье
странных огней
на забытых могилах,
это страшные сказки
о духах, встающих ночью.

Мысли о смерти —
это дождь, по-весеннему тихий,
когда ты согреваешь вино
и с бокалом в руке
поминаешь родных и друзей —
унесенные смертью души.

27 марта 1996

БЭЙ ДАО

北島

Бэй Дао (псевдоним Чжао Чжэнь-кая) родился в 1949 году в Пекине. Стихи пишет с 1970 года. В 1978 году основал вместе с друзьями подпольный литературный журнал «Сегодня». В 1989 году уехал из Китая. Один из наиболее значительных современных китайских поэтов, его стихи переведены на многие иностранные языки. *Среди книг:* «Записки о Городе солнца», «Собрание стихотворений Бэй Дао и Гу Чэна», «Избранные стихотворения Бэй Дао».

ОТВЕТ

Ничтожность суть ничтожным пропуск.
Величие — великим смертный приговор.
Ты видишь, в небе, золоченном солнцем,
Умерших призраки ведут свой разговор.

Прошла давно пора обледененья —
Так почему вокруг так много льда?
И тысяч парусов-соперников сплетенье
На Мертвом море видно иногда?

Я в этот мир пришел, с собой имея
Бумагу, вервие и тела тень.
И пред судом в преддверье приговора
Хочу возвысить голос я теперь.

Так слушай, мир, так говорю тебе я:
НЕ ВЕРЮ!
Попрал победно ты ногами тысячи имен,
Так припиши к ним ты еще одно — мое!

Не верю я ни в неба синеву,
Не верю я ни в эхо грома,
Не верю я и в дрёмы кутерьму,
И в то, что после смерти нет закона.

И коли море разольется вновь,
То пусть же воды горькие нахлынут в мою душу.
И коль земле назначено цвести,
Пусть люди сызнова найдут спасительную сушу.

В дни потрясений лишь сиянье звезд
Не позволяет небу развалиться.
Они — пиктографы в пять тысяч лет.
Они — глаза внимательные тех, кто не родился.

ДРЕВНИЙ ХРАМ

В горах растаял колокола звук.
Меж старыми колоннами паук
сплел паутины кольца годовые.
Свисают колокольцы неживые
со ската крыши. Выше — вдоль камней
ущелья узкого тропа змеит, по ней
сметает память голый белый ветер.
Никто не помнит ничего на свете.
Травой следы монахов заросли,
густеющей в беспамятной пыли.
Невиданные птицы и драконы
исчезли. Запустения законы
сточили каменные стрелы, знаки
полуистерлись в грубом полумраке.
Их без огня теперь не разобрать.
Но вдруг — хозяин памяти, как знать,
очнется и войдет сюда без страха,
и замурованная в глину черепаха
вновь оживет и двинет на восток
через покрытый инеем порог,
неся в спине все тайны, все подвохи, —
перелицует мир, заменит звезды,
и горы льда сомкнутся строем грозно,
как статуи людей одной эпохи.

УДАР КОЛОКОЛА

Звук колокола глубоко под спуд
уходит в землю. Юбкой покрывает
деревья. Небо радостно сияет.

А я смотрю, как яблоки гниют.

Осенний дух восходит от земли.
Что черный дым, резвятся злые дети.
Неутомимый миллионолетний

хозяин есть у бури в десять ли.

Бьет в колокол, завесу разрывая,
глухой звонарь. Звук, небо заполняя,
колотится и тает на ветру.

Он день за днем звонит, не уставая.

Корабль причалит, задрожит эфир,
на мокрой крыше звякнет черепица, —
баран всегда стоит и в даль глядится.

В глазах его бездонных — целый мир.

И в суетности уха мирового
хранится равновесий хрупких медь.
Все сущее получит имя снова.

И это — звона колокола смерть.

1993

ПОЛНОЧНЫЙ ПЕВЕЦ

Песенка —
Вор, по крыше скользнувший,
Шесть красок умыкнувший,
Красной иглой проткнувший
Небо в четыре утра,
В четыре — небо взорвавший,
В мозгу петуха прооравший
Славу безумным дням.

Песенка —
Дерево, боль имущее,
В далеком краю растущее,
Обещания раздающее
Жрущим завтра волкам.

Песенка —
Зеркало, отражение зубрящее,
Владыка, забвение дарящий,
Языки из воска сочащиеся
В жарком пламени споров,
Травы, из легенд растущие,
Паровоз, огнем живущий,
В храм вломившийся споро.

Песенка —
Смерть певца безнадёжная,
Это гибели его ночь,
Грампластинка неизбежная,
Проигрываемая точь-в-точь.

1993

У ОКОЛИЦЫ

Вот дней позорное былое,
А вот цветы дня настоящего.
Вот ночь, гордая весною,
Что покатила камнем блестящим,

Расколов мой сон.

Зачем я здесь, будто в прежние дни?
Разосланы письма прошедшего дня.
И горе от былых обид
Уже совсем не тревожит меня,

Просыпалось песком — вон.

Родится ль смысл из снов,
Из споров, что так тяготят?
Я уйду по кромке слов —
Туда, где вечный закат,

Где вечерний звон.

1994

ДЕНЬ

запереть свои тайны в ящик стола
в книге любимой оставить пометки
отправить с почты письмо постоять в раздумье
беспечно смерить взглядом идущих сквозь ветер
поглазеть на витрины вспыхивающие неоном
войти в телефонную будку
 скормить аппарату монетку
стрельнуть у рыбака
 под мостом старика сигарету
дождаться пока на реке катер сорвет гудок
наскоро оправить одежду
 перед мутным зеркалом
 в театральном фойе
и когда шум звездного моря скроет занавеска
под лампой уютной перелистать
 полинявшие фото и старые письма

ЦЗЯН ХЭ

江河

Родился в 1949 году в Пекине. Настоящее имя — Юй Ю-цзэ. После окончания средней школы был выслан для так называемого «трудового перевоспитания», сейчас живет вне Китая. Выпустил сборники стихов «Начинай отсюда» и «Солнце и его отблеск».

ВАРИАЦИИ НА ЗВЕЗДНУЮ ТЕМУ

Коль каждый уголок земли
 заполнен будет ярким светом,
То звезды станут не нужны,
 тогда никто
Не станет вглядываться в ночь,
Ища в далёком утешенья.

Кто б не хотел,
Чтоб каждый день
Стихами был,
А каждый иероглиф был звездою,
Дрожащей словно сердце у пчелы?

Кто б не хотел, чтоб теплым вечером,
Похожим на мягкую речную гладь,
Кружились в сонном мареве, сменяясь,
 и светлячки и звезды?
Кому не нравится весна, когда на ветках
 сидят, нахохлясь, птицы,
Подобно звездам, что покрыли небо,
И ветер россыпью кидает звуки,
И все кругом — в неверном мареве сирени?

Коль каждый уголок земли
 заполнен будет ярким светом,
То звезды станут не нужны, тогда никто
Не вспомнит о безмолвье леденящей стужи,
Когда жива лишь искорка надежды.

Кто б захотел
Из года в год
Слагать упорно сердце рвущие стихи,
Где строки — из дрожащих звезд,
Как ледяное оголовье гор?
Кто б захотел смотреть, как ночью
Выстывает-стынет вся земля,
А ветер гасит за звездой звезду?
И кто бы не обрадовался флагу,
 по ветру реющему, и огню,
Что бьет из звезд на небе золотых?
А потускнеют звезды — знать, ушли
В такое место, где не светит солнце.

1980

ЛИНЬ МАН

林莽

Линь Ман родился в 1949 году в Хэбэе. В 1968 году закончил среднюю школу в Пекине и на следующий год был отправлен в деревню на так называемое «трудовое перевоспитание». После 1975 года работал школьным учителем, преподавал в Пекинском университете экономики. Публиковаться начал в 1982 году. Член правления Союза китайских писателей, секретарь пекинского отделения Союза писателей, заместитель главного редактора журнала «Поэзия». *Среди книг:* «Я прошел эту землю», «Стихи Линь Мана» и др.

ЗВУК КАПАЮЩЕЙ ВОДЫ

На кухне мерно капает вода
И вместо сна полночного вокруг
Лишь только этот равнодушный звук

Та что исчезла в сером переулке
Цветенье майских улиц миновала
И времени водой унесена
Она уже не молода
Но некто сохранивший озаренность
Ей до сих пор свой посылает свет
Чтоб освещать ее года
Поддерживая веру в человечность

Дождь выдувается студеным ветром
И ты идешь сквозь дождь и сквозь туман
 в потоке нескончаемом машин
Твоя семья в многоэтажном доме
Там за твоей спиной
И ты под серой пеленой дождя
 надолго застываешь

Как жестко бы ни скручивалась жизнь
Но сквозь неряшливость твоей судьбы

Всё так же мерно капает вода
И всех равняет под одну гребенку
Бессмысленность исходного пути

Наверное поэтому иные
Тебя в начале жизни сторонились
И стоя под зонтом
Ты вспоминаешь строчку старого поэта
В каркас из жести вбита Божья милость

Мы друг на друга все фатально не похожи
Тебя зонт заслоняет от дождя
Но что еще он от тебя скрывает

Свет тусклым пробивается лучом
Былое память возвращает с болью
И ты опять бессонницей измучен

И вместо сна полночного тогда
Ты слышишь
В кухне капает вода

СНЕГ В КОНЦЕ ЗИМЫ

Я к тебе подошел
Чтобы тихо прожить
это самое мирное время в году

Не растапливай печь слишком сильно
Здесь хватает тепла
Можно даже вздремнуть ненадолго
И детство увидеть во сне

Я стою прислонясь к переборке плечом
И негромкая грустная песня
Старый дом деревенский
наполняет собою как прежде
Может этого дома давно уже не существует
Но гвоздики китайские так же цветут на окне

На исходе зимы снег летит и летит за окном
Даже в сумерках слышно
как он ударяется в стекла
В нем подхваченном ветром
оконный качается свет
Ветки старых деревьев проволгли и стали темнее
И когда о карниз разбивается тающий снег
Я подолгу уснуть не могу

Снова вижу как в детстве
Без устали трудится мать
Она ходит из комнаты в комнату
И отправляется спать
Лишь когда одеялом меня потеплее укроет
Постепенно круженьем снежинок
 моя вытесняется память
Смутно слышу
Как тонкие ветки скребутся в окно
И как чайник кипящий
Свистит на горячей плите

ЭТО ВЕСНА И НЕ ТОЛЬКО ВЕСНА

Это весна и не только весна
Хоть и жестока порой, но прекрасна

Я вспоминаю далекое время
Поле туманное
 с бешеной силой
Корни и ветви питает весна
Я приближаюсь к тебе
Явь с волшебством перевиты любовью
Ты оборачиваешься бесшумно
 нежным цветением тихо дыша

Это весна и не только весна
Лес удивительным ветром овеян
Ярко-зеленое пламя сверкает
 в нем золотятся мечты
В нем искрится
Сеть, что из нашей любви сплетена

Только одно я тебе повторяю
Это весна и не только весна

МАН КЭ

芒克

Ман Кэ (псевдоним Цзян Ши-вэя) родился в 1951 году в Шэньяне, что в провинции Ляонин. К поэтическому творчеству обратился в семидесятых годах двадцатого века. *Среди книг:* «Избранные стихи Ман Кэ» и «Подсолнух в лучах солнца».

ПОДСОЛНУХ В ЛУЧАХ СОЛНЦА

Ты видел ведь,
Ты видел ведь подсолнух в лучах солнца?
Взгляни: он не склоняет головы,
Глядя вослед надсмотрщику травы.

Когда надсмотрщик отойдет подальше,
Подсолнух его будто укусить мечтает.
Его цветком на шее тонкой —
Как куклой — солнышко играет.

Ты видел ведь его?
С воздетой гордо головою,
На небо яростно таким глядящим?
Ведь голова его — почти что солнце.
И когда солнца нет на небе,
Она окружена сиянием блестящим.

Ты видел ведь вон тот подсолнух?
Ты должен подойти поближе.
Ты, правда, подойди поближе:
Гляди, тянуть его придется столь упорно,
Что руки в кровь, — так крепки его корни.

1983

ДО-ДО

多多

До-до (псевдоним Ли Ши-чжэна) родился в 1952 году в Пекине. Работал столичным корреспондентом, потом уехал из Китая. Стихи пишет с 1972 года. *Среди книг:* «Путевые заметки: 38 стихотворений», «Пройденное: избранные стихи До-до 1973—1988 гг.».

К СОЛНЦУ

Ты даешь нам дом, ты даешь нам смысл.
Дети мирно спят, когда спокойны отцы.
Ты даешь нам свет, ты даешь нам стыд.
И поэт бредет, а за ним — псы.

Ты даешь нам время, время для труда.
Спишь на изголовье наших снов.
Ты даешь крещение, веру навсегда.
Многим поколениям жизнь, смерть и любовь.

Глянь на грёзы мирные и веселье лиц,
Ты — сановник на́больший горних круч,
Чуждый злу и зависти, повелитель душ,
Ярый и спасительный света луч.

Смелые дерзания возбуждаешь в нас,
К каждому ты ласково, ценишь простоту.
А само принуждено каждый день вставать,
Денежкой медною по свету сновать.

КАК ПРЕЖДЕ

Я землю свою потерял ненароком.
Я шел наугад в непроглядную глушь —
Мне холодно было в пути одиноком...

И вот — возвращаюсь! В истлевшей одежде...
Вокруг — широта неоглядных полей.
Родная земля, ты такая, как прежде!

Я счастлив! Чужие слова отрясаю,
Как пыль с загоревших ладоней своих.
Земли аромат ненасытно вдыхаю...

Она золотится на утреннем солнце,
Она в кукурузе задорно смеется,
Она отражает в себе небеса,
Лопатой о мерзлые стукнется комья,
И мягко обнимет твоё изголовье,
Когда темнота занавесит глаза.

На дереве груши кривые желтеют,
Ноябрь над землею моей цепенеет.
Коровы устало глядят за мостом —
На медленный дым над водой леденящей,

На всех, мимо них по траве проходящих,
Кого не слизал еще век языком.

И падает снег на поля, на кладбище,
На старую мать, на седого отца,
На наши деревья, на наше жилище.
И, кажется, снегу не видно конца.

И снежные звезды, и битые стекла,
Что бросил хозяин на заднем дворе,
Еще оживут. Они — здесь, они — около,
Как слово, слетевшее с губ на заре.

ШУ ТИН

舒婷

Шу Тин (псевдоним Гун Пэй-юй) родилась в 1952 году в Сямэне, что в провинции Фуцзянь. В 1969 году была послана работать в деревню, позднее вернулась в город и в 1971 году начала писать стихи. Стала одной из ярких представительниц поэтического направления «туманных стихов». *Среди книг:* «Двухмачтовая лодка», «Песни ириса», сборник эссе «Дым сердца».

ДУБУ

Если я тебя полюблю, —
То не как лиана ползучая,
Возомнив о себе по случаю
 в вышине твоих веток;
Если я тебя полюблю, —
То не песенной страстью птицы,
Тенью кроны твоей успевшей прельститься.
И уж вовсе не так, как родник,
Утешные воды с прохладцей несущий
 сквозь годы,
И уж вовсе не так, как скалистый пик,
Утверждавший себя как величье природы,
Но взамен он возьмет твой внушительный вид.
Если полюблю, то совсем —
как солнечный полдень,
как дождик, который весну удивит.
Но нет, мне и этого мало!
Я бы пушинкой над тобой летала
или рядом встала — почти близнец.
Корни твои глубоко в земле,
А листья просятся в облака.
Но если злой ветер издалека, —
пусть побоится биенья наших сердец.

И никто-нико из людей
еще не разбирает наши слова.
Твои — из железа — ветки очень крепки,
они — как меч или — как нож,
они — как клевец боевой, их не трожь.
А мои цветы крупные, красные
похожи на вздохи разные
и на факельные огни.
Мы выстоим бури, зимы и грозы,
Мы выпьем на равных горчайшие росы,
ветра мед и радуги семицвет.
Мы навечно одни
И друг другу опора до конца наших лет.
Это и есть — величайшая в жизни любовь,
это я твердо знаю:
Любовь —
не только твой образ великий и имя,
но и место твое, та земля,
в которую до смерти ты
корнями вцепился своими.

ДВУХМАЧТОВАЯ ЛОДКА

Туман увлажнил крылья мои,
Ветер торопит не медлить вдали.
Берег, мой берег,
Вчера мы расстались,
Ныне я снова у кромки земли.
Завтра же — сызнава мы с тобой
Встретимся на широте на другой.

В буре на море один маяк
Вместе сведет нас с тобою.
В буре на море другой маяк
Нас разведет в час иной.

Мы не боимся края небес,
Время летит стрелою.
Вновь я ложусь на курс к тебе,
Всею душою с тобою.

1979

ЧЖОУ ЛУНЬ-Ю

周倫佑

Чжоу Лунь-ю родился в 1952 году в Сичане, что в провинции Сычуань. В семидесятых годах двадцатого века стал писать стихи, распространявшиеся поначалу нелегально. В 1986 году стал лидером литературного течения «Непонятые» и главным редактором журнала с таким же названием. *Среди вышедших книг:* «Полыхающий терновник» и «Обесцененная эпоха».

СМОТРИ: ГОРИТ СВЕЧА

Нет ничего печальней и жесточе,
Чем видеть угасание свечи.
Она погаснет и уступит ночи.
Замрёт душа встревоженно в ночи.
Пока свеча горит, иди по следу
Огня — над морем рук и светлых нив.
Пока она горит, означь победу,
Два пальца в букву «V» соединив.
Свеча горит — как праведная милость,
И видишь, хоть не веришь в чудеса:
На голубином веке уместились
Большие голубые небеса.
Нет ничего жесточе и печальней,
Бессильные проклятья бормоча,
Смотреть, как свет тускнеет изначальный,
Как гаснет отгоревшая свеча.

И в непреодолимом тяготенье,
В застое темноты и тишины
Враждебные к свече сползают тени.
Их сущности зубастые темны.
Как гром по коже, зимний ветер смерти.
В подсвечнике застыл натекший воск.

И все вокруг — уже в последнем свете:
Утратило тепло, дыхание, лоск.

Свеча горит, но в пепел обратится.
И всё оденет беспросветный мрак.
Я в темноте способен лишь дымиться —
безмолвно, безутешно, грустно так.

ЛЯН СЯО-БИНЬ

梁小斌

Лян Сяо-бинь родился в 1954 году, в Хэфэе, что в провинции Аньхой. Был выслан на так называемое «трудовое перевоспитание». Стихи начал публиковать в 1979 году. Вышла книга «Девичий отряд».

БЕЛОСНЕЖНАЯ СТЕНА

Мама,
я видел белоснежную стену...

Утром
я вышел купить карандаш
и увидел рабочего,
с превеликим усердием
белившего длинную-длинную стену.

Он оглядел меня с улыбкой,
он окликнул меня,
он сказал мне: дружок,
не надо больше чирикать на этой стене.

Мама,
я видел белоснежную стену.
Раньше она была очень грязной,
испещренной множеством грубых слов.
Мама, ты тоже плакала,
из-за слов этих бранных, гадких,
а вот папы — уж нет,
теперь нет навсегда.

Чем молоко коровье, что пил я, белее,
того белее стена —
во сне моем чистотой сияет:
ровно стоит на земле она,
и днем и ночью испускает сияние,
любимая чистая стена.

Нельзя больше никогда на этой стене чирикать,
Никогда нельзя!
Ясное небо, доброе как мама,
ты слышишь меня?

Мама,
я видел белоснежную стену...

1980

КИТАЙ, Я ПОТЕРЯЛ СВОЙ КЛЮЧ

Улицы были от флагов красны,
Воздух был горек-горюч.
Бежал я туда, где небо ясно,
А потом — потерял свой ключ.

Сердце мое от боли заскорузло,
Дом мой — надежды луч.
Мне бы вернуться в детства узел,
Но я потерял свой ключ.

В детские книги лицом зарыться,
Солнце — в разрыве туч.
Стихами с любимой объясниться...
Но я потерял свой ключ.

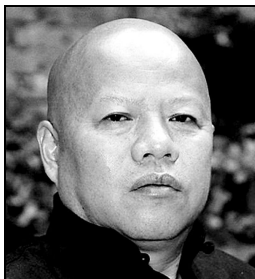
Прекрасное — было, не возвратится,
Воздух судьбы колюч.
Истаяли в небе знакомые лица...
Я потерял свой ключ.

Ветер ли, дождь ли мой ключ разъели,
Источили его вконец?
Был ли тот ключ на самом деле?
Дал мне его отец.

Солнце, сияй по всей Поднебесной,
Среди равнин и круч.
Где-то лежит, старый, железный,
Мой от Китая ключ.

Полею судьбы иду безмолвно.
Былое не вернуть.
Оно накатывает, точно волны,
И рвется, как тонкая нить.

ЮЙ ЦЗЯНЬ

于堅

Юй Цзянь родился в 1954 году в Куньмине, что в провинции Юньнань. В 1980 году поступил на факультет китайской литературы Юньнаньского университета и после его окончания стал работать в Союзе работников культуры. С 1984 года принимает деятельное участие в выпуске поэтического альманаха «Они». *Среди книг:* «Пустые земли», «Шестьдесят стихотворений», «Гвоздь, забитый в небо», сборник эссе «Заметки о людях». Видный представитель так называемого третьего поколения современной китайской поэзии.

ПРЯЧУЩАЯСЯ ОТ ДОЖДЯ ПТАХА

На мой балкон пичуга залетела,
Спасаясь от дождя.
Я дверь открыл: она не захотела
Навестить меня.

Я рис насыпал, я свистел приветно,
Ее маня.
Мои мольбы остались безответны:
Что ей с меня?

Меня пичуга мельком оглядела.
Дождь все сильнее.
Вспорхнула резво, чу! — и улетела.
И вслед за ней

Стучали капли и огни тушили
В душе моей.
Мой теплый дом неужто, неужели
Дождя страшней?

ИЗ «КОРОТКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ»

«Короткие стихотворения» представлены каждое в двух вариантах перевода. Первый вариант выполнен И. Алимовым, второй — Н. Караевым. Нам кажется, что разные версии одного и того же стихотворения будут небезынтересны читателю как своеобразная творческая мастерская переводчика.

Вся южная сторона западного края
Серой скалы
Покрыта прицепившимися на зиму пауками.
И так же — на спинках черных пауков
Полно прицепившихся серых камней.

На серых скалах с южной стороны
Зимуют пауков сонливых табуны,
И, в свой черед, на их мохнатых спинах
Сереют камешки, пережидая зиму.

Волк пробежал через ущелье,
По запаху отличая растения от пищи.
Философ прошел тем же ущельем,
Размышляя об отличии понятия «пища»
от пищи вообще.
Но волк не думал о высоких понятиях:
Он просто искал еду.

Волк по ущелью пробежит,
Принюхиваясь: кем бы поживиться?
Пройдет философ по ущелью в думах
О том, как с пищей связан иероглиф «пища».
А волк таких понятий чужд —
Он пищу ищет.

В высоком синем небе
Непременно должны летать соколы.
Но когда поднимаешь глаза к небу,
Там летают одни вороны.

Как мечтаю на небе моем
Гордых соколов видеть полет!
Только как ни взгляну — воронье
Суетливо чернит оком.

Когда слышишь, как наземь падают шишки,
В голову не придет поэтическое:
«В пустынных горах опадали шишки»,
Но только: «бац!» да «бух!»
А когда увидишь — вся земля покрыта шишками,
Никогда не опознаешь, какая же из них бухнула.

Коль шишек тихий стук-постук заслышишь —
Не станешь размышлять витиевато:
«В горах пустынных опадают шишки!» —
Нет; только «тюк-тюк-тюк».
А как увидишь землю в павших шишках,
Задумаешься: где же шишка та,
Что тюкнула последней?

Машина летела по равнине,
И как только показался лес,
Выдуманный олень
Вырвался из леса моего воображения.
Но у меня нет ни лужайки с травой,
ни воды ключевой
Чтобы удержать оленя надолго.

Машина мчалась по равнине к лесу,
И вдруг из чащи показался
Воображенный мной олень.
Хотел его прельстить я родником и лугом;
Вотще — то лишь игра ума.
Не удержать мне моего оленя,
Как скачет он — смотри!

В деревне, на куче рисовой соломы,
Старый воробей умер в объятиях мира.
О, смерть без погребения!
Ветер разнесет его перышки,
Осеннее солнце иссушит его косточки,
И деревья на берегах реки
Споют ему песню черных туч.

Умер воробышек дряхлый
На куче соломы в деревне,
Почил в ладонях вселенной.
Ему похоронных обрядов
Никто не устроит. Ветер
Развеет перья, а кости
Иссушит теплая осень.
Воробышка в целом свете
Вспомнят слезою горячей
Деревья да хмурые тучи.

ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ ВЕСЕННИЙ...

Целый день весенний я их прихода ждал.
Не чуял весны цветенья, мир не воспринимал.
По дому метался, покоя не находил.
Искал их в шепоте ветра,
 в явлениях природных сил.
Едва на улице звуки — как я за дверь бегу.
Слушаю жизнь растений, слышу даже траву.
Любой неясный шелест дверь торопил открыть:
Едва на улице шорох,
 я к двери несусь во всю прыть.
Мама меня оглядела: что с тобою, сынок?
Ночь еще не при деле, а ты уже изнемог!
Ну-ка, прими лекарство, ну-ка, давай в кровать!
Теплое сонное царство долго не станет ждать...
Я посмотрел на небо — в рваных клочьях птиц,
День то ли был, то ли не был,
 но их не увидел я лиц.
Разве лекарство может
 вернуть мне душевный покой?
День окончательно прожит:
 они не пришли за мной...

ВАН СЯО-НИ

王小妮

Ван Сяо-ни родилась в 1955 году в городе Чанчуне, что в провинции Цзилинь. В 1978 году поступила на факультет китайской литературы Цзилиньского университета, после окончания которого работала на чанчунском телевидении. Впоследствии переселилась в город Шэньчжэнь.

МАЙ

В мае мое зрение особенно ясно.
Я вижу, как живут насекомые,
Я кожей чувствую нынешнюю весну.

В мае я, конечно же, увижу тебя.
Одетый в легкие шелка,
Ты взойдешь на стену моей памяти.

В мае я отрину прошлую жизнь,
Чтобы нас с тобой ничто не связывало,
Чтобы крепко укрывали меня стены памяти.

То, что нынче я исполнена твердости,
То, что сегодня я стою неколебимо,
Во всем этом повинен май.

Вместе с маем неминуемо кончится весна,
Но твоё прошлое и будущее весеннее цветение
Больше меня не заботит.

В каждом новом наступившем мае
Я буду сама себе садовник,
Сама зацвету, сама соберу опавшие листья.

2001

НАШИ СУМЕРКИ

Человек над листом за столом сидит в кабинете.
Луч заката, краснея, осветил его со спины.
Уши вспыхнули, стали прозрачны
в пурпуровом свете,
как вареные или жареные, нежны.

Эта пара ушей, украшений естественных вроде, в нас красивей всего, особенно — на заходе, но она не нам принадлежит, а природе.

Солнце сядет не прежде,
 чем нож лучевой пройдет
 вскользь по левому, правому уху,
 черкнёт по листу,
 а потом и всего человека бесстрастно коснется,
 погружая — человечество в темноту.

Закричат, засмеются вóвремя — фонари,
разевая рты свои, горящие изнутри,
темноту разгоняя в городе до зари.

ЯН ЛЯНЬ

楊煉

Ян Лянь родился в 1955 году в Швейцарии в семье дипломатов. Вырос в Пекине. В семидесятых годах двадцатого века, в процессе «грудового перевоспитания», которое он проходил в окрестностях столицы, начал писать стихи. Позднее, после событий 1989 года на площади Тяньаньмэнь, эмигрировал. *Среди книг:* «Солнце — новое каждый день», «Поклонение духам», «Заброшенные души».

ДОМ, ПОДОБНЫЙ ТЕНИ

вот твой дом тени подобный дом
постройка посреди лужайки сгущает сумрак
с неба низвергнутая птичья песня
 ласковые язычки листьев
снова обсудим утомленную бурю
и тени утомлены строятся в шеренгу слепцы
с тупым безразличием валяются в пропасть

это твой дом дом без тебя
ты задолжал ужас кошмаров
мышь прыгает на пол скользит
 в приступе тошноты
тени подобная мышь
черней и черней лицо
рот цвета розы
 выгрыз настежь врата
 поминальной песни
когда день умирает ты вселяешься
 в тлетворное пламя свечи

когда четыре стены имитируют жизнь
 в безъязыкой немоте
свет на цыпочках по хрупчайшим камням
 проникает под землю

проникает в тебя тенеподобный хозяин
страстно распахивает балкон ночи
 обозревает ландшафт
еще одна дикая кошка
 в погоне за собственным страхом
еще один череп встречает свой конец
 на вбитом в звезду гвозде
на бурьян похожий серебристо-белесый
виснет с прямой игровой кости
 мрак-паралитик
вымарывает тебя годовалого и
 враз состарившегося
так отвратительный лунный свет
 вымарывает этот
 лоскут пустующей земли

ПОРТРЕТ, ОПАСАЮЩИЙСЯ МОРОЗОВ

холода безразличны к времени года
в точности как стена за твоей спиной
сосна вечно в предчувствии снегопада
пламя в очаге в силах дочерна позеленеть
когда огонь станет явью
мороз враз выставит на обозрение
твой страх будь же похож
на того кого всегда принимают за тебя

некто другой укладывает тебя
и ты источаешь лекарственный запах
шаль владеющая пустотою неба
лишь одна дождливая ночь
портреты проникают сквозь двери
ты впрочем повешен на
стене после смерти только и научился
что бояться нарисованного лица

солнечный свет тоже по ошибке
приняли за таковой это только подобье
пальцы в замерзшем ветре
подобны трепещущим пальцам
опять-таки зеркало схоже с сумасшедшим

взглядом белого безумца
океан никогда не помнящий
снулых рыбин
смахивает на зиму
что своей обильно-густой харкотиной
заплевывает глаза

когда тело сковал мороз легкая улыбка
изнуренная ноской юбка
лживые речи зазвучат снова только
если тебя отопреют
стужа прохватывает до костей
жестоко как и этот портрет
мороз разумеется аллегория
страх перед ним тоже
столетняя птица кричащая где-то далеко
и бурое отмороженное ухо трупа
опять аллегория
оно похоже на твое собственное
как тут не ужаснуться
такое оглохшее что впору
провести опознание зарисовать

БАБОЧКА МЕСТИ

ты отравил бабочку с лицом человека
с сумеречными иссиня-черными крыльями
 обречен помнить
помнить ее последний по-женски
 безумный порыв

ненависть мнит себя цветочным бутоном
в ошибочных помыслах сияющего утра
черная пуховка запудривает светлую комнату
 кошмарами сновидений
снова бабочка сторожит на стене
 твой пугливый взгляд

погубленная тобой снова ищет тебя
сделавшаяся бесплотной тенью в шепоте ветра
крохотным ртом кусает тебя после смерти

обязательно чья-то захватила
 зеленоцветное небо
чем больше стремишься к забвению
 тем явственней бабочка мести

СЯН ЯН

向陽

Сян Ян (псевдоним Линь Ци-мана) родился в 1955 году на Тайване. Закончил факультет японской литературы Тайваньской Академии китайской культуры. Издает поэтический журнал «Сияние поэзии». *Среди книг:* «В ожидании гинко», «Сажаю семена», «Десять строк».

МОРЩИНЫ НА ЛБУ

Маме

От многочисленных забот
Под гнетом долгих лет
Утратили черты твои
Свой первозданный цвет.

Копна агатовых волос
Седую стала вмиг,
А после — тусклой и сухой
Как спутанный тростник.

Подобное волне морской
Течение времен:
Как берег тихий и пустой
Твой лоб изборожден.

Морщин глубоких на лице —
Как годовых колец;
По ним читаю я весну
И осени конец.

Но это только внешний слой,
И сколько слов ни трать,
Ни дум, ни истины земной
Под ним не распознать.

1984

МАО СЮ-ПУ

毛秀璞

Мао Сю-пу родился в 1955 году в городе Циндао, что в провинции Шаньдун. Служил в военно-морском флоте. Член ассоциации работников литературы и искусства города Циндао. В 2006 году за цикл стихов о трагической гибели подводной лодки «Курск» был удостоен правительственной награды Российской Федерации.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ ЦИКЛА
«ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПЕСНИ "КУРСКУ"»

ТРАГИЧЕСКИЙ МИГ

Страшный миг!
Рыдают старики.
Русские красавицы рыдают.
И поэт, друг правды, сын Китая
Плачет от безвыходной тоски.

Свечи скорби
Горе в море прячут,
В баренцовой сизой глубине.
И мое перо скорбит и плачет
Со свечами скорби наравне...

СОСТРАДАНИЕ РЫБ

Я опустился на морское дно
Со стаей рыб голодных заодно.
И понял я в просторах ледяных,
Что лакомым кусочком был для них.

Вода лавину рыб ко мне несла.
Мне ни одна не причинила зла.
Неужто же дано им понимать,
Что ждут на берегу отец и мать
Всё ждут-пождут, когда под отчий кров
Я возвращусь на берег жив-здоров...

ГУ ЧЭН

顧城

Гу Чэн (1956—1993) родился в Пекине в семье известного поэта Гу Гуна и с юных лет рос в атмосфере поэзии. Гу Чэн обратился к самостоятельному поэтическому творчеству в самом начале семидесятых годов двадцатого века и быстро стал одним из лидеров направления «туманной поэзии». Позднее он уехал в Новую Зеландию, где в 1993 году покончил жизнь самоубийством. *Среди книг:* «Избранная лирика Шу Тин и Гу Чэна», «Избранные стихотворения Бэй Дао и Гу Чэна», «Черные глаза», «Стихотворения Гу Чэна», рассказ «Ин-эр», и др.

ПОКОЛЕНИЕ

Черная ночь дала мне черного цвета глаза.
Черными глазами ищу я теперь ясный свет.

1979

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

Ты —
То смотришь в небо,
А то смотришь на меня.

Мне ясно —
Я от тебя так далек,
Зато небо тебе так близко.

1980

МОЕЙ ПОКОЙНОЙ БАБУШКЕ

В конце концов
И я познал все сию смертность.
Она как звук —
Такой короткий!
Разметка белая на стадионе —
стерлась, и не разобрать.

Вчера во сне
Мы были вместе.
Шаги твои я слышал —
Ты ходила
По дому, по ушам в делах,
Стирая пыль в укромных уголках.
Глубокой ночью, словно встарь, стирала,
От немоги покрывавая тихо.
И песенки тихонько напевала,
Как будто снова я ребенком стал.
Расчесывала волосы седые
Старинным, уже сломанным гребнем...
И счастлива была — я ясно это вижу.
Показывала тонкий сверток шелка,
Застежками стеклянными гордилась,
Как будто это — чистые бриллианты.

Я, как обычно, поспешал идти
Гулять, а может, на занятия в школу.
Дышала жарко печь, кричали птицы,
И утро возбужденно пламенело.

Ты — вся во мне.
Ты навсегда со мною.

ЛИНЬ ЦЗЯНЬ-ЛУН

林建隆

Линь Цзянь-лун родился в 1956 году на Тайване. В юные годы был трудным подростком, жил случайными заработками, бродяжничал. Ныне он доцент факультета английской литературы университета Дунъю, читает лекции по англоязычной поэзии, американской литературе и литературной критике, а также ведет еженедельную литературную передачу на тайбэйском телевидении. *Среди книг:* «Собрание стихов Линь Цзянь-луна», «Хайку Линь Цзянь-луна», «Хайку о жизни», и др. Ниже читателю предлагаются некоторые написанные по-китайски хайку этого автора.

РЫБА 1

забравшись на камень
загляделась на облака
про воду забыв

РЫБА 2

хочу стать рыбой
надеюсь в будущей жизни
все же попасть на крючок

МОЛНИЯ

из опрокинутой чаши
ткнула земное лицо
острая вилка

СЛЕЗА

не смахивай
дай разглядеть слезинку
она и впрямь в форме сердца

ВИЗИТ В БОЛЬНИЦУ

не замечая палатной белизны
девочка не отрывает глаз от деда
у изголовья красное яблоко

УТРО

чуть не опрокинул
таз для умывания
на щеках жены ямочки улыбки

РОДИТЬСЯ

я уже умирал
и на этот раз, за порогом утробы
скользящая лестница чувств

УТРО МЕГАПОЛИСА

надеваю фальшивые ресницы
в то время, как будильник
кричит фальшивым петухом

ЛЯГУШКА

никогда раньше не видел
лягушек спина к спине
иной раз и Будда капризен

ПУГАЛО

холод осенний
отчего бы тебе не пойти
вместе со мной жать?

ОУЯН ЦЗЯН-ХЭ

歐陽江河

Оуян Цзян-хэ родился в 1956 году в Сычуани. Был в деревне «на перевоспитании», служил в армии, с 1979 года начал публиковаться. Один из ярких представителей так называемого «третьего поколения» современных китайских поэтов. Живет в Пекине.

СТЕКОЛЬНЫЙ ЗАВОД

1

Лицо – от лиц,
От взгляда — взгляд
Стеклом отделены.
И суть вещей, их вид и склад
Не явны, не видны.
Как яблока глазного свод
С глубинной чернотой,
Стекланный этот весь завод —
Живой и не простой.
Ныряет вещь из ночи в день,
В блестящий свет, крылом
По-птичьи зацепивши тень
В пространстве со стеклом.
Стекло отныне — божество
Бесслезного пути.
Как воздух: вроде, нет его,
Но он везде почти.

2

С заводом рядом — океан.
Стеклянная вода
Хрупка,
Как ставший льдом туман,
Прозрачна и тверда.
Но не стеклянный океан
Отсюда вижу я,
А столик, зеркало, стакан —
Предметы бытия.

И снова жизнь в мечтах кипит
В просторах без границ.
И слово молнией летит —
Крылатой трассой птиц.
Но иссыхает слова лёд
Когда тепло, светло.
И только тень —
Над блеском вод,
А эта тень легко пройдет
Сквозь всякое стекло.

3

Пришел попробовал взглянуть
На всё, что мир и свет.
Повсюду — слепота и муть.
В стекле такой же бред.
Но знаю, будет так всегда,
Как выпало в былом:
В горниле пламени вода
Становится стеклом.
Стекло — в бушующем огне,
Холодном навсегда.
Лишь в океанской глубине —
Недвижная вода.

4

Такие качества стекла
Я наконец узрел:
Вода. Но больше не текла...
Огонь. Уже не грел...
И кровь из раны не бежит.
И звук не дребезжит.
Стекло по праву естества —
Всего стекло пока.
Прозрачны время и слова.
Цена их высока.

Мне дал стекольный тот завод
Понять, где — свет, где — мгла,
Откуда свой исток берет
Символика стекла.
Стекло — и камень, и вода,
И пламень ледяной,
И нереальный — иногда —
Мир, идеальный, как звезда,
Зеркальный, неземной.
И осознал я глубоко:
Разбить прекрасное легко.
А в мире выдумок, речей,
Причуд, примет, прикрас
Лишь слезы светлые вещей
Важны для нас.

ЦАО ХАНЬ-ЦЗЮНЬ

曹漢俊

Цао Хань-цзюнь родился в 1957 году в Хуэйнане, что в провинции Аньхой. Был отправлен в деревню «на перевоспитание», позднее, в 1979 году, поступил на факультет китайской литературы Аньхойского педагогического университета, по окончании которого работал учителем средней школы.

КИТАЙ, ТЫ СТОИШЬ ВЫСОКО НА ЛЕСАХ

Как стояла когда-то Земля на китах —
На высоких стоишь ты сегодня лесах.
Над равнинами сельской когда-то страны
Вырастают леса, арматурой полны.
Ветры песни приносят — и пот золотой
На челе выбивает полуденный зной.

Но хрипят голоса из-под каменных плит:
Там, где город стоит — твой народ был зарыт.
О Китай, берега задубили ветра,
Океана вода высока и черна.
Вырастает Китай на худых новостях,
Между строчек читай — на народных костях.
На холодных ветрах, отрубях да воде,
Не на чьих-то дарах, а на чинном труде.

И меня ты возьми в свой могучий котел,
Я надежду терял, но сегодня — обрел.
Даже Тихий готов сокрушить океан,
Не сдаваясь его полноводным ветрам.

Чтоб держался Китай не на сборных лесах —
На дозорных воспевших его голосах,

Да на наших сердцах, да на наших плечах.
Чтобы креп, да без гроз, чтобы рос, да не чах,
И усталость его велика, но она
Синевою небес благодатно полна.

1982

ВАН ЦЗЯ-СИНЬ

王家新

Ван Цзя-синь родился в 1957 году в Даньцзянкоу, что в провинции Хубэй. Живет в Пекине, преподает в Китайском народном университете. После окончания школы был отправлен на «трудовое перевоспитание», позднее, в 1978 году, поступил на факультет китайской литературы Уханьского университета и в это же время начал писать стихи. *Среди книг:* «Память», «Гуляя по отвесным кручам», «Стихотворения Ван Цзя-синя», а также несколько сборников статей о поэзии.

СТИХОТВОРЕНИЕ

«Пекинские деревья зазеленеют».
Из письма друга

Чанъаныцзе прохладно-преlestен
в сумрачном свете.
После долгой зимы сумерки тают сами.
И я вижу площадь, где снова играют дети,
и в один миг весь город покрылся цветами.

Все, что есть в этом мире, произошло из грязи.
Постигая радость смертей и рождений сущих,
где дорога скрыта в снегу, что графит в алмазе,
я отправлюсь в путь в сверкании дней грядущих.

Зимних туч усталость висит еще надо мною.
Пусть ручьями беды сбегают в овраг, в теснину,
пусть горячие слёзы снег растопят весною —
я прошу — всех. И поцелую глину.

Эта дивная глина зиму зажгла жестоко,
заморозила души и отбелила лица,

и мечтал прохожий на улице одиноко:
заискрится снег и в воздухе растворится.
А всего-то и нужно миру — одно лишь слово.
Терпеливо чернея, ждут деревья сигнала,
чтоб взорваться зеленью, блеском листа живого,
чтоб земля вздохнула и празднично просияла.

Я отправлюсь в дорогу ради этого мига.
Я пройду все горы и воды — ради слова,
Все углы земные, всю круглую тяжесть мира,
и людей покину, чтоб встретиться с ними снова.

Все, что было так бестолково, невнятно, тускло, в этот миг раскроется, и потекут слёзы, мутный лед расколется — хлынут наружу чувства. Ничего не поздно. И никогда не поздно.

Будь спокоен, как прошлогодний листок в потоке.
У деревьев учись. Займи у земли терпенье.
Будь, как снег терпелив,
 смывающий грязь с дороги.
Терпелив в преддверии смерти — освобожденья.

Сколько несовпадений я за спиной оставил,
скольким славным замыслам
 следовал в жизни слепо,
а всего-то и нужен луч, чтобы снег растаял,
и легла дорога, чтоб обнажилось небо.

Нужен только призыв и шаг по пути пустому,
и я вижу: в круге времен миллионнолетнем —
человек, день и ночь идущий к родному дому,
не — пропадет в свете зимы последнем.

ПРОВОЖАЮ СЫНА В АМЕРИКУ

Бескрайний и призрачный. Тяжкие волны катая
на запад — печалью на сердце — от края Китая
восточный лежит океан. Расставанье так близко.
Взревет самолет и, легко высоту набирая,
опустит колеса в аэропорту Сан-Франциско.

Далекие горы сверкают. Снег больно искрится —
в китайском снегу твоя куртка. Пора торопиться.
Не стоит цепляться, сынок, отпусти мою руку.
И где в этом мире обманчивом, сложном граница?
Ты сам в нем сумеешь
свой путь отыскать сквозь разлуку.

Увидимся снова? В глазах твоих страх и смятение.
На кедах шнурки завяжу твоих. Надо прощаться.
Позволь мне желать тебе в каждом стихотворении
Победы, мой мальчик отважный.
Победы и счастья.

1996

ХЭЙ ДА-ЧУНЬ

黑大春

Хэй Да-чунь родился в 1960 году в Пекине. Его настоящее имя — Пан Чунь-цин. Закончил Пекинскую среднюю школу имени Восьмой народно-освободительной армии, стихи пишет с 1979 года. В 1983 году организовал поэтическое сообщество «Юаньминъюань». *Среди книг:* «Пьяница из Юаньминъюаня», «Современная лирика Ши Чжи и Хэй Да-чуня». В последние годы экспериментирует в области сочетания стихов с живописью и музыкой.

ОСЕНЬ

Пьет себя хризантема, за белым бокалом бокал.
Вьется узкая тропка — ползущая в небо змея.
Свет полудня звенит, растекаясь на тысячи ли.
Черно-бело-зеленые горы маячат вдали.
Ну и цвет!

Не собьешь меня с толку, реальности мутная мгла!
Отыщу я кольцо в дебрях мрака на том берегу.
Отыщу светonosный источник,
 что зыбкой звездой
закатился за золото злого забора.
И мне

Станет легче, и тень на зудящую кожу падет.
И поднимется ветер. И птицы салютом взлетят
С белизны пустыря — так пугаются мысли
Порыва промчавшихся лет
В тихий полдень.

Смотри:
Наши сестры в беде, в лихолетье, в пыли
Расцвели на обломках отчизны. А братья, смотри,
Как сухие подсолнухи, гибнут и гаснут, хрустя,
В нервных пальцах судьбы...

Осень, где твой пожар?
Где богатство пшеницы, где щедрость небес,
 где сады?
Где твой, осень, кровавый кизил?
Тишина. Лишь ползут
 по некошенным скулам могил
Слезы сосен.

1995

ТАНЬ БЯО

潭 颢

Тань Бяо родился в 1960 году. Печатается с 1985 года. Автор нескольких книг стихов и прозы, а также сценария телесериала по своему роману «Смуглолицая невестка». Лауреат многих литературных и кинематографических премий. Заместитель председателя Союза писателей Харбина, заместитель председателя Союза кинематографистов, директор Института литературного творчества Харбина. Член Всекитайского союза писателей и Всекитайского союза кинематографистов. Живет в Харбине.

ПЕЧАЛЬНЫЕ ГЛАЗА НА БЕРЕГУ

На берегу
Глаза самой печали.
Предчувствием весны они томятся.
На листьях груши капли серебрятся.
Ей, одинокой, выстоять едва ли
Под жесткими ударами ветров.
Любовь ли несчастливая помехой
Или разлука стала тут преградой,
Но груша одинокая глуха
К звучащим рядом голосам и смеху,
И к грохоту строительной бригады.
Ее густые спутанные пряди
Шумят под ветром, словно водопад.
Подол ей мочит волн морских каскад.
Что я прочту
В ее печальном взгляде?
Быть может, в даль безоблачную глядя,
Она ждет возвращения корабля
Из безнадежно долгого похода?
Я ей сочувствую,
Но не себе в угоду,

Дарю свою ей нежность мимоходом
И верю, что когда уйду,
Она
Не будет так мучительно грустна.

НА ПРИСТАНИ МАНЯЩИЕ ГЛАЗА

На пристани
Манящие глаза.
В них теплоты и нежности прилив.
Владеющий словами — не болтлив.
Пусть говорит родник манящих глаз.
В них заповедных вод звучит наказ
И видится морских глубин свечение,
Очарование, но не обольщение.
И с ними рядом не страшны напасти,
Хоть не всегда глаза приносят счастье.
Пусть же у всех,
Кто любят и любимы,
Любовь и счастье будут совместимы.

ХАНЬ ДУН

韓東

Хань Дун родился в 1961 году в Нанкине, закончил философский факультет Шаньдунского университета. Начал писать стихи еще в студенческие годы. После окончания университета работал учителем в школах Сиани и Нанкина. Оставил преподавание в 1992 году. С 1985 года — главный редактор литературного журнала «Они» и один из лидеров созданной им одноименной литературной группы. *Среди книг:* «Белый камень», сборники рассказов «На небе» и «Наше тело».

ТЫ ВИДЕЛ МОРЕ

Ты видел море
Ты придумал море
Ты придумал море —
И лишь потом его увидел
Было так

Ты видел море
Ты его придумал
Но ты совсем ведь
Не моряк
Да, это так

Ты придумал море
И ты видел море
Ты полюбил, возможно, море
Да, точно — было так
Ты видел море
И его придумал

Ты вовсе не хотел
Погибнуть в его водах

Да, это так
Но ты придумал море
И в море утонул
Все люди так

О ПАГОДЕ ДИКИХ ГУСЕЙ

Пагода диких гусей —
Вечно к ней люди стремятся!
Всех их манит высота.

Пагода диких гусей —
Хочется в небо подняться.
Иная в том красота.

Кто-то героем на час
Желает мелькнуть в поднебесье,
Просто торопится жить.

Кто-то и по сей час
Наверх взбирается, лезет,
Его не остановить.

Чинно герои спускаются,
Слиться с толпою чтобы.
А кто и вприпрыжку летит.

Лица их неразличаемы,
Вряд ли стоит и пробовать:
И этот храбрец забыт.

Пагода диких гусей
Многих героев видала:
Не боятся они высоты.

Но всех смельчаков храбрей
Она безусловно считала
Растущие на верху цветы.

ПАПА СМОТРИТ НА МЕНЯ С НЕБЕС

Летом девяносто пятого года
Папа смотрел на меня с небес.
Даос сказал мне, что с небосвода
Ему меня видно, что он не исчез.

Папа! Мне не дано взглядеться
В твои навеки пустые глаза,
Но наставления, данные в детстве,
Пребудут со мною, как ты и сказал.

Осень уже девяносто седьмого,
Я пишу о том, как лето прошло,
И как скорбь прошла, ничего иного
Не оставив взамен, унеся тепло.

Но любовь осталась, как вещная сила,
С ней нельзя расстаться ни тебе, ни мне.
И тем летом душа твоя говорила
Со мной из безмолвной страны теней.

Но любовь наказала меня за это,
И я сам превратился в немую тень,

Мне нельзя вернуться в то жаркое лето,
В этот странный, полный надежды день.

Только ты и знал, что мои надежды
Обернутся страданиями, уйдут с дождем.
И я словно вижу, как будто между
людей твоя тень проходит. А мы живем.

ЛО И-ХЭ

駱一禾

Ло И-хэ (1961—1989), чей род происходит из Ханчжоу, родился в Пекине. В 1979 году поступил на факультет китайской литературы Пекинского университета. Публиковать стихи начал в 1983 году. После окончания университета работал редактором в литературном журнале «Октябрь». Скоропостижно скончался 31 мая 1989 года. *Среди книг:* «Кровь мира», «Полное собрание стихотворений Ло И-хэ», «Сочинения Хай-цзы и Ло И-хэ».

ПОДСОЛНУХ

В память о Ван Гогe

Подсолнух после дождя. Слезою небесной
Омытый подсолнух. На лепестках — капли,
В чаше цветка дождевая вода искрится.
Подсолнух, оплаканный, смотрит, как умирает
Ван Гог. Подсолнух — его отсеченное ухо,
Его голова: на зное, на золоте поля
Ласкает ее лучами пыльное солнце.
Ван Гог! Ведь и ты — цветок. Ты тоже подсолнух.
И снова льет дождь. Огнем золотым истекает
Ван Гог, и потоки его раскаленной крови
Поят допьяна светозарное поле. Хлещет
Горячая кровь Ван Гога, и солнце будто
Враз добела выжигает черную почву,
Каплями жара жаля нещадно землю,
В которой лежит Ван Гог. У могилы поля
Плачу о нем. Уж давно пересохли лужи
В цветущем подсолнечном царстве. Печаль моя —
Сгоревшая бабочка, что распласталась навек
На кобальтовой черепице.

Подсолнух. Слова опять превратятся в молитву.
Подсолнух, солнце простолюдинов, твои лепестки
Для глаз моих — холст, покрывало, саван,
Закрытые наглухо городские ворота,
И город — в огне. Подсолнух, запертый свет,
Когда твое время придет?

Подсолнухи, вы тревожите землю мою
Как сполохи битвы межзвездной. Над вами парит
Огненный шар под крышей бескрайнего неба.
Кипарис на пригорке замер в поклоне, и сверху
Течет млечный путь.
Пылает безмолвно подсолнух.

1987

МАЙСКИЕ ЦВЕТЫ

О восточный фонарик, фонарик Азии бедной,
Драгоценный фонарик Востока,
Ты — первобытности зов!
Пробудись, мой Восток,
Пусть и ночью, и днем твои дети
 с бумажными фонарями
Будут слышать зов первобытный,
Пусть услышат они голос железного века,
Пусть услышат, как по бездонному озеру
Приближаются лодки
 могильщиков и трупокрадов.

О фонарик Востока, фонарик Азии бедной,
Солнце восточных полей!
Благородство твое бессмертно,
Под весеннюю песнь
Не даешь ты злодеям восстать из могилы.

В чем же сила твоя, азиатский фонарик,
В чем же сила твоя, фонарик восточных полей?
В дни невзгод и побед ты светил одинаково ровно
И майским цветам,
И поэту Востока, что в этих цветах укрывался,
Врастая в дикую степь.

СИ ЧУАНЬ

西川

Си Чуань (псевдоним Лю Цзюня) родился в 1963 году в городе Сюйчжоу, что в провинции Цзянсу. В 1985 году закончил факультет английской литературы Пекинского университета. Работал редактором в агентстве «Синьхуа», сейчас преподает в Центральной академии художеств. *Среди книг:* «Стихи моря», «Тайная связь», «Избранные стихи Си Чуаня». Автор прозы «Шатания и болтовня: путешествие китайца в Индию», и др. Переводил на китайский Паунда, Борхеса, Бакста. Написал учебное пособие, посвященное творчеству основных представителей зарубежной литературы.

ЧЕЛОВЕК СТАРЕЕТ

Человек стареет. Во взоре и разговорах,
За утренним чаем,
Как дым — поднимается вверх.
В землю уходит — влагой,
Преображаясь — в шорох.
Мрак обступает веки.
Жалок щербатый смех.

Грузен осенний полог, заледенели росы.
Музыкою сиротства позанесло пути.
Что остается кроме? Птица одна у плёса,
Рыхлый пепел кострища — дальше и не дойти.
А человек, старея, видит одни обломки:
Перечень упущений и преискурант утрат.
Всё, что любил когда-то —
дальше туманной кромки
Юности и лагуны, вытянутой в закат.

Можно о вечном печься — он искушён,
А силы
Неумолимо тают — словно песок течет
В узкую жерловину, что уже поглотила
Душу на половину.
Немощь его — не в счет.

Речи его — отголосок прожитого душою,
Скопленного за годы чаяний и тщеты.
Рисовая солома...
Рисовая солома —
Спутник его отныне
До роковой черты.

Кто-то очаг лелеет,
Кто-то цветы разводит,
Кто-то играет в карты, жизнь обращая в прах,
И только старик, что бродит
Улицами бесцельно,
Видит, как ветер жизни сеет развал и страх.
На стогнах воспоминаний запросто заблудиться,
И уповать на роздых — минимум не с руки.
Ждет он — пригонит ветер вскоре сухие листья,
Плечи его укроет сплошь — на манер дохи.

Звуки его тревожат: ширятся, нарастают,
В маленькую шкатулку будто вправляют твердь.
Вот и финал прогулки:
Словно заслуги,
Тают
Черновики,
В которых прячется от потерь...

Такой урожай, пожалуй,
Старик одолеть не сможет:
В юности полыхавший,
Выбился он из сил.

Окоченело тело.
И уже не поможет
Память о том, что знал он,
О чем он
Не говорил.

1991

МОЯ БАБУШКА

Моя бабушка закашляла —
и проснулась тысяча петухов.
Тысяча петухов закричала —
и разбудила тысячу человек.
Люди вышли на улицу,
деревенские петухи кричат.
Когда петухи замолчали —
моя бабушка снова закашляла.
Голос моей бабушки чем дальше,
тем слабей и слабей.
Моя бабушка говорила — и вдруг закрыла глаза.
Как будто бабушка моей бабушки
ей что-то забыла сказать,
И только в этот момент действительно умерла.

МОЛЧАНИЕ

Не говори с привидением, я говорю привидению.
Надо признать очевидное, я слушаю только его.

Если оно не бесцветно, то мы не самоубийцы,
Мы просто черные тени из прошлого твоего.

Что там — космический мусор или летит богиня?
Что же мы так устали маяться среди звезд.

Просьба или молчание, или тревога в голосе...
Ты ничего на свете не принимай всерьез.

ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Искрящиеся рельсы. Провода.
Они из будущего и ведут туда.

И я был молод, голоден и зол,
Но я давно уже покинул дом и стол.

Я только в настоящее гляжу.
Я медленно его перехожу.

Я посторонний. Но всегда есть вход.
Холмы и море. Упраздненный флот.

И желтым дымом застилает гладь...
Здесь ничего нельзя не потерять.

Мы невезучие — с рожденья, изнутри.
С барака нашего сорвали фонари.

Есть только ветер, вечер, провода.
Дорога улетает в никуда...

РАВНИНА

По равнине шагал очень долго.
Во время привала моим первым желанием было:
постирать носки.

* * *

С каким облегчением ложишься на землю.
Так осенью осыпаются семена...

* * *

На равнине душа человека становится ровной.
Душа одиноких деревьев становится тоже душой.

* * *

Пусть каждый занимается своим делом:
Я достаю котелок, развожу огонь.

* * *

Если ты остаешься всего лишь
 безучастным зрителем,
Это пустяки. Но это преступление.

* * *

Нужно быть осторожным в такой темноте.
В темноте особенно слышно,
 как лает собака и кричит птица.

* * *

Ливень в тысячу ли —
 это человек, который взволнован.

* * *

Вернуться — совсем не значит вернуться домой.
Вернуться домой — совсем не значит,
 что дом все еще есть.

* * *

Лежа на подушке из гречишной шелухи,
вертел головой.
Гречишная шелуха шуршит, но этот звук
поглощает равнина...

* * *

На равнине увидеть во сне равнину —
обычное дело.
На равнине увидеть во сне Конфуция —
это как будто Конфуций
увидел во сне всеобщую справедливость.
Так же необычно.

* * *

Я придумал себе такую игру.

ОПИСАНИЕ КОМАРА

Берем десять тысяч комаров — получаем тигра,
уменьшаем
до девяти — получаем леопарда, уменьшаем
до восьми — получаем
одного неподвижного черного орангутана.
Но один комар — это всегда один комар.

Все живое можно разделить на травоядное,
плотоядное и
сосущее кровь.

В щелях истории живут комары. Они свидетели и даже участники войн, наводнений, отрубаний голов, сдерживающих дамб реки Хуанхэ, краж и продажи детей, автомобильных и авиакатастроф. Только двадцать пять процентов истории человечества не связаны с комарами.

Некоторые не открывают окон, не открывают двери, боятся, что залетят комары... Они реально посажены комаром под арест. Эти люди требуют удаления комаров из общественных мест.

Одна из целей моего появления на свет — тут же
быть укушенным комаром. Они живут в моей те-
ни, размножаются, стерегут за углом.

В кого после смерти превратится комар?
Человек, который всегда мельтешит,
вдруг повернулся лицом...
Я уверен, что в прошлой жизни этот
точно был комаром.

Защищать природу — значит, защищать комаров,
в том числе.
Но реальность показывает, что это
чрезвычайно трудно.

Каждый раз, открывая чемодан за границей, мож-
но увидеть отечественного комара. Это укрепляет
чувство Родины.

Наблюдая за поведением вора в большом зеркале,
я всегда вижу мертвого комара.

ХУАН ЦАНЬ-ЖАНЬ

黃燦然

Хуан Цань-жань родился в 1963 году в Цюаньчжоу, что в провинции Фуцзянь. В 1984 году поступил на факультет информационных технологий Гуанчжоуского университета. Сейчас работает в гонконгской газете «Дагунбао». Стихи начал писать в восьмидесятых годах двадцатого века, с того же времени переводит на китайский язык произведения зарубежных авторов.

ЖАЛЯЩАЯ МАРИНА

Памяти Цветаевой

Она — в зарослях тростника чужестранный мак.
Ее алым губам идет загадочный знак
пчел, не раз покидавших улей.

Она — полдненным солнцем
 стоит в полночи моего сна.

Она — жалящая моя Марина.

Она — размноженный зеркалом,
 сорванный алый мак.
Она — самое узкое место в змеиной норе.
Она в моем сне стоит на жаре,
 чтоб окликнуть меня на заре.
Но я, открыв глаза, теряю из виду
 жалящую мою Марину.

Марину с пурпурным сердцем!
Марину с чистейшей душой!
Как обойти эти опасные зубы и язык,
 жалящий ядовитым перцем,
Как проникнуть в твоё стихотворное горло!

Песни ее — жаворонок поет.
Речи ее — учит журчащий поток.
Печаль ее — подранок с перебитым крылом.
Она — лепесток моего сердца,
 рвущегося напролом.

Круглоокая Марина, чьи уголки глаз
оправлены в сорок девять сапфиров.
Марина с черной челкой и
 холодным белым лицом,
Мой первобытный ужас в летнюю ночь
 на краю мира.

Певчая Марина, неистовая Марина.
Голос, расклеванный северным ветром в кровь.
Страдающая Марина, утешительница душ,
страстей пожар, позора позор и — любовь!

Для меня она — жалеющая,
В жизни не позволявшая себя целовать,
Дикая, окаянная, неприкаянная —
Марина!

ДУ ФУ

Со стихами своими сравнится едва ли
Этот вечный скиталец, голодный и нищий,
Безответно зовущий, в глубокой печали,
В нескончаемых муках он стойкости ищет.

Горький выпал удел — в годы смуты родиться.
Многотрудная жизнь — точно риса ращенье.
Но коль скоро душе языка воплотиться
Суждено — обретает она воплощенье.

Он в театре истории песней остался,
Что смягчала мгновенно любые раздоры.
Не роптал на судьбу, но и не был безгласен —
Ханьским слогом объял он и доли, и горы,

И тоску, и любовь. В Поднебесной твердыне
Краски сердца его не тускнеют доныне.

ЛЯН СЯО-МИН

梁曉明

Лян Сяо-мин родился в 1963 году в Шанхае, но вскоре вместе с родителями переехал в Чжэцзян. В 1980 году семья Ляна осела в Ханчжоу. Начал писать стихи в восьмидесятых годах двадцатого века. *Среди книг:* «Намёк», «Иду, босой, лохматый», «Вступление», собрание эссеистических заметок «Лян Сяо-мин на Сиху» и некоторое количество повестей и рассказов.

СТЕКЛО

Стекла осколок я вложил в ладонь.
И сжал.
Наверно, побелела кожа.
Ещё сильнее!

О, боль вонзилась в сердце! Я стиснул зубы.

Кровь пошла. Густая.

Таким был острым край стекла.
Когда в ладони я сжимал осколок,
То чувствовал, что режет без усилия
Он плоть мою.

Собравшись с духом, я раскрыл ладонь
И плоть моя разверзлась, обнажая
И мясо, и белеющую кость.

Вот так и наступает очищение.

СКОРО УЖЕ ПОЙДЕТ СНЕГ

Скоро уже пойдет снег.
О, как бы мне все забыть?

Зима стоит на пути у всех,
наспех покончив с зеленой листвой,
ледяными глазами уставившись в душу.

Скоро уже пойдет снег.
О, как бы мне все забыть?

Сиротских слез ласточки небу не смыть, —
давно ее гнездо разорено.
За свободу надо платить, час — и сгорает дотла.
А в тонкой чашке лежит что-то сладостное.

Скоро уже пойдет снег.
О, как бы мне все забыть?

Великая эпоха и низкая тварь
сгорят в пожаре времени неразделимы.
Но от такого света не прозреет тьма.
Вечно одним везет, а вот что — с другими...
Даже в теплой ладони — и зло, и зима.

Скоро уже пойдет снег.
О, как бы мне все забыть?

Вода реки жизни превратится в лед,
А сладостное письмо —
 в комок бумажного страха,
Где слово на ветру не оживет,
уступая устоям жестоких будней
От слез уже закипает взор,
Но ни одна слезинка так и не упадет,
Иначе скажут: какой позор.

Скоро уже пойдет снег.
О, как бы мне все забыть?

2005

ХАЙ-ЦЗЫ

海子

Хай-цзы (1964—1989, псевдоним Ча Хай-шэна) родился в аньхойской деревне. В 1979 году поступил на юридический факультет Пекинского университета, после завершения обучения начал работать на кафедре философии Китайского университета управления и права. Покончил жизнь самоубийством 26 марта 1989 года. За короткую жизнь успел создать много выдающихся литературных произведений. Его считают одним из самых выдающихся китайских поэтов двадцатого века.

АЗИАТСКАЯ МЕДЬ

Азиатская медь, азиатская медь,
Как мой дед и отец, я умру только здесь.
Только тут можно жизнь до конца полюбить.
Только здесь завещаю себя схоронить.

Азиатская медь, азиатская медь,
Птицы — любят сомненья,
 волна — круговерть.
Твой хозяин — трава и цветочная нить
пояска, что на талии тонкой звенит.

Азиатская медь, азиатская медь,
Цюй Юань позабыл свои туфли. Взлететь
удалось им над речкой четой голубей,
мы найдём и наденем, пойдём по воде.

Азиатская медь, азиатская медь,
барабаны в ночи не устанут греметь.
Мы танцуем и наши сердца — как луна,
И луна эта — всё что осталось сполна.

1984

ПШЕНИЧНОЕ ПОЛЕ

Собери созревшую пшеницу
В плошку под луною-невидимкой
Край луны
И собранные зёрна
Бессловесны
В чаше круговой

С ними так несхожи наши души
И когда воспеть берёшься поле
Не забудь про полную луну

Под луной
Всю ночь отец на пашне
Золотом струится пот по телу

Под луной
Двенадцать птиц присели
Очертив пшеничную пургу
Может быть они клевали зёрна
Может быть безмолвно танцевали

В поле я пшеничном забывался
И луна стояла над колодцем
Ветер родины

И тучи Поднебесной
Как крыла
Сомкнулись надо мной

Волны тучные
Встревоженной пшеницы —
Райский стол
И жизни островок

Узкий серп сезона урожая
Срежет волны
Срежет лунный свет

Хорошо что мы с луной знакомы
У нее усталости не меньше
Как у застыдившейся любимой

Тяжело качается пшеница
Чуть касаясь дрогнувших ресниц

Мы живём в густом пшеничном поле
В дни страды по сбору урожая
Мы легко идём на перемирие
И плечом к плечу стоим
Судьба
В том что мы довольны
Этой долей

Да и жёны наши
Вдохновенно

В белых фартуках
Без остановки
Трудятся не покладая рук

Лунный свет полощется над нами
Все мы дети —
Нила
Вавилона
Хуанхэ
На этих берегах
И на островах
Готовим пищу
Буднично бесхитростно живём

Так позвольте говорить об этом
Именно подобными словами
Ведь луна ни капли не поранит
Под луной живут извечно двое —
Бедный и богатый
Блеск Нью-Йорка
И премудрость Иерусалима
И ещё есть я
И мы втроём
Вместе улетим во сне за город
В поле благоденственной пшеницы
Что дает здоровье нам
И жизнь

1985

ПОЛЕ И ПОЭТ

ВОПРОС:

Ты бежишь по зеленому полю
В ореоле сияния солнца и снега

Но Поэт ты не в силах не волен
Не старайся сторицей воздать им за это

За тепло Доброты и Надежду
Не воздашь ты всецело до дна до зиянья

Безотказно пытливо прилежно
Ну хотя б захудалой звезде — за сиянье

Что в ночи полыхает презрев расстояния

ОТВЕТ:

О Пшеничное поле
Ты навряд ли позволишь
Смотреть на тебя
Ощущая твою красоту и тепло

Я стою в самом сердце
твоих безотрадных вопросов
Обожженный тобою
На солнце
В апогее
На пике страданий

О Пшеничное поле
Ты немислимый
Непостижимый вопрос

Так позволь мне в печали стоять пред тобой
Ты не можешь сказать что я гол как сокол
Ты не можешь сказать что ладони мои опустели

О Пшеничное поле
Ты — страдание рода людского
Ты несёшь нам и песни и свет!

1987

ПОЭТ ЕСЕНИН

1. РОЖДЕНИЕ

Звезды вышиты-чисты
Вся в цветах деревня
И колышутся кусты
И поля в цветеньи

Тут увидел свет поэт
Дымка над затоном
И беременен рассвет
Полевым бутоном

Будто тут никто не жил
В этом темном крае
Ворожил и сторожил —
Поросль полевая

Скудный север и тоска
Здесь поэт родился
Тусклый берест туеска
В речке преломился

В чьем окне зажегся свет
Это свет растений
Что как лампа
Шлет привет
Извещая белый свет
Что родился здесь поэт
Наш
Сергей
Есенин

2. ДЕРЕВЕНСКОЕ ОБЛАКО

Деревенское облако
Родина
Вы вдвоем —
Это пара детей
На потрепанной глади воды

Двери в небо!
Откройте как счастье людское
Как зеницы непознанной боли
на горных вершинах —
Отворитесь скорей!

3. ДЕВУШКА

Девушку
С топорищем под головой
Вмиг у воды сморило
День опьянен
Сном и весной
Сад
Шепоток прилива

Девушка
Как прекрасная ветвь
Срубленная
У Кришны

Девушка
Лунная лошадь
Твердь
Груди — две капли воды
Теперь
Девственно симметричны

4. ПОЭТ ЕСЕНИН

Китайский я поэт
Сын рисовых долин
Дочь чайного листа
И я же — из Европы
Как сын Италии
Дочь Польши
Всё испил
Меня омыли бедность
И пороки
Вчера в скитаниях на постоялый двор
Забрел я в Персии
Народ меня покроет
Поэт Есенин
Странник
Даже вор
Есенин
Русская душа
Рязанской крови
Мужичье сердце
Да,
Я из крестьян
Я был в трактире
В жаркой капле крови
Уплыл журавль

Растаял караван
Стол унесли
И гроб давно в полове
Сидит безмолвно в комнате поэт
В молчании сидит поэт Есенин
Есенин
С каждым разом ярче свет
Весна же возвращается на землю

Земля — та женщина, что я любил всегда
И после смерти!
Прекрасна — ты
Отвратен — я
Умерший вновь
Поэт Есенин...

5. КУКУРУЗНОЕ ПОЛЕ

Повеет легкий ветерок через холмы в поля
И кукурузные ростки трепещут в чем душа
Я поливаю и смотрю как влажная земля
Питает листья и они вздымаются шурша
А солнце ходит далеко и светит из-за гор
Роня жаркие лучи с утра и до темна
Листва — для духов и постель и боевой топор
И режет в воздухе она чужие письма

8. ХМЕЛЬНАЯ РОДИНА

Ночью на родине пьяным наземь упал
Под голубое сияние полной луны
Реял на крыльях
Звезды в себя вдыхал
Переполюнясь
Чувством своей страны
В княжеской шапке пьяный без чувств лежал
В поле пшеничном
Май закрутил густой
Крыши деревни в мареве
Не видал
Может и звезды ухнули пьяною пустотой!
Как напилась земля — ты пьяней меня
Ты опьянела раньше меня
На треть
Ты мне должна опорой
А как свинья
Пьян я!
И в чем твоя хваленая твердь
Горы зову я братьями сестрами — родники
И назову возлюбленной иву
Наперевес
Ночи бывают жгучими
Спать тогда — не с руки

Грудь слова распирают
Смутные
До небес
Лишь голова расколота
Голова
Краски зари ложатся на крыши окрестных сел
Ноги мои
Дороги
Родина и трава
К звездам восходят тропы
Кто меня к ним привел
Руки мои взлетают и бормочу в бреду
Я в облака взмываю!
Крылья — сердечный жар
Надо бы воротиться
В тело
В судьбу
В строку
Ночью на родине пьяным наземь упал

9. ПУТЕШЕСТВИЕ СКИТАЛЬЦА

Я скиталец
Сны мои проданы
Крова нет одни ветряки
Свет лампад
Изгнала меня Родина
В городские свои кабаки

Сын крестьянина
Стать учителем
На рязанщине
Мой удел
Чтоб со скромною
Сельской девушкой
На туман над рекой глядел
И от страсти сгорал
Как водится
И форсил в смазных сапогах
Так зачем же
Душа кабацкая
Пропадаю я в кабаках?

И сосал со щенками
Суку

Я в России
И в тот же час
Пел в родных горах
Но ни звуку:
Двадцать лет
Я молчал для вас
И по-прежнему —
Чад трактира
Водка
Слезы:
Слова лихи
И читаю всем нищим мира
Я неистовые стихи

Мне бы нужно домой вернуться
Под венец полевых цветов
Где под небом Родины
Гнутся
Волны ив
Над морем цветов

10. ЖИЗНЬ ПЕРВАЛАСЬ

В тихом городе
Где гречихи горчит аромат
Дай расстанемся
И с Есениным кротко ты уйдешь в листопад

Я свечу запалю
И сожгу
Ворох старых стихов
Дай расстанемся
Я не держу
Отпущу
Пальцы тонкие той
Для которой на песни готов

Распрощайся
С тем Есениным
Он свою кожу содрал
Он угробил себя
Промотал растоптал
Ради песен волшебных
Навылет навзрыд
Ты отныне — фонарик
Что плачет-горит

Дай расстанемся
Похорони под сосной
Со стихами — себя
Словно пальчики той
Для которой звучал мой незрелый сонет
Хмель гречихи исчез
Ни дурмана
Ни горечи нет

НА РАССВЕТНОМ БЕРЕГУ ОКЕАНА
РАСПУСКАЮТСЯ ВЕСЕННИЕ ЦВЕТЫ

Начиная с завтрашнего дня,
стану я счастливым человеком.
Всё на свете было у меня,
повидал я дали, горы, реки.
Начиная с завтрашнего дня,
буду я заботиться о главном.
Есть восход и дом и у меня
дружба есть с соленым океаном.

Начиная с завтрашнего дня,
всем родным я отошлю по почте.
По письму. Пусть не жуют меня,
расскажу что счастлив очень-очень.
И вернётся молнией ко мне
это чудо счастья мгновенно.
Кто еще остался в стороне?
Расскажу об этом непременно.

Каждой речке, каждому холму
я найду прекрасное название.
Незнакомец, я тебя люблю
и желаю счастья и признанья.

Ну а мне — того, что берегу
и чего не выскажешь словами:
Чтоб на океанском берегу
всё цвело весенними цветами.

ЦЗАН ДИ

臧棣

Цзан Ди родился в 1964 году в Пекине. В 1983 году поступил на факультет китайской литературы Пекинского университета и в это же время начал публиковать стихи. В 1996 году защитил докторскую диссертацию по филологии. Преподает в Пекинском университете. В 2000 года был удостоен награды за лучшее поэтическое произведение. *Среди книг:* «О былом в Яньюане» и «Ветер дует, колышутся травы».

ШПИНАТ

Тебя, тебя, шпинат прекрасный
с картошкой мерзлой не храню
или с капустой там, не знаю, —
превыше их тебя ценю.

Тебе их самый вид несносен,
но мне вовеки не забыть,
как лепестки твои прозрачны
и тело тонко, точно нить.

Зачем же мы шпинат прекрасным
зовем? да разве это ложь?
Ты ничего мне не ответишь,
но явно мой вопрос поймешь.

Когда шпинат на кухне мою
сырой холодной водой,
простое сходство ощущаю
между шпинатом и собой.

Он так же беден, как природа,
и так же хрупок и раним,
и мы, людишки городские,
ничтожны по сравнению с ним.

Едок беспечный не оценит
его скупую красоту.
Охапку листьев бирюзовых
на блюдо бережно кладу.

В них скрыта жизненная сила
Под оболочкою простой
И в каждой нежной жилке светит
Мне лучик солнца золотой.

БЕЗЫМЯННОЕ ОЗЕРО

Сумерки. Осень. Озеро. Глаз, огромный, как страх.
Зеленая линза прошлого — нашего и не только.
Таких озер не встретишь на картах или в стихах.
Они живут лишь в снах одинокого алкоголика.
Здесь сходятся небо с землей
и надежды с потерями,
Как на страницах романа «Сон в красном тереме».

Озеро. Осень. Сумерки. Силуэты на берегу.
Нарциссы нашего времени, познавшие свои лица.
Дурман прибрежных цветов разливается,
как чугун,
Ласкается, как любовь, помогает в сон
погрузиться.
Вода прибывает ручьями памяти, боли и грез.
Сумерки. Озеро. Осень. Глаз, распухший от слез.

1995

ШУ ЦАЙ

樹才

Шу Цай (псевдоним Чэнь Шу-цая) родился в 1965 году в Чжэцзяне. В 1987 году закончил факультет французского языка Пекинского института иностранных языков, в 1990—1994 годах работал в китайском посольстве в Сенегале, ныне преподает в Институте зарубежной литературы Китайской Академии общественных наук. *Среди книг:* «Одинокий», сборник эссе «Нора», а также многочисленные переводы французской поэзии.

ПОКОЙ

Я описать хочу спокойною рукой
Сердечных мышц моих покорный травостой.
И ветряной порыв, когда он лобовой.
И автопаркинг задремавший, не пустой.
Уют мамаш с детьми, семейный и простой;
Порывистый муссон, идущий стороной;
Шаг старческой ноги, уверенно больной
И желтый солнца свет, извечный, даровой...
Я мыслями, увы, захвачен целиком:
Достигнуть одного, а думать о другом?
А может — просто плыть и плыть, куда влеком?
Покой придет потом... И навсегда притом.

ОСЕНЬ В АБСОЛЮТЕ

Беззвучна осень, словно старец.
В её суме — болезнь, года...
Любой — до времени — скиталец,
И мысли морщат кожу лба.

Но непорочна осень тоже,
Как будто агнец на меже.
На целомудренное ложе
Тупится небо в неглиже.

И каждый лист сродни Икару —
Лишь тень от шороха. Он нем.
Настрой разбитую гитару,
Она сыграет реквием.

Зачем тревожиться о счастье
И думать думы о житье?
Ведь осень тела — есть ненастье,
Чтоб душу вымочить в нытье.

Осенний день — не поэтесса,
Но буду сопереживать

Тому, как дрожь идет древесно,
И заставляет умирать.

Пусть голый грунт, как зазеркалье,
А кроны — лысины в парше.
Я — нервный ком самокопанья —
Молюсь невидимой душе.

2002

И ША

伊沙

И Ша (псевдоним У Вэнь-цзяня) родился в 1966 году. Уроженец города Чэнду, что в провинции Сычуань. Закончил факультет китайской литературы Пекинского педагогического университета. Доцент Сианьского института иностранных языков. В течение нескольких лет был главным редактором журнала «Вэнью» («Любитель литературы»). *Среди книг:* «Умерший от голода поэт», «Путь с тремя пересадками», «Чертяка И Ша», «Песни дикого семени», «Я понял наконец-то твой отказ», «Мой Герой», «Тан», сборники очерков и новелл: «Ни одного не отпущу», «Мещанину не уразуметь счастья», роман «Красавица среди гор и рек», и др.

ОЖИДАЯ В ДОМЕ УМАЛИШЕННЫХ

Психиатрическая больница, я во дворе
перед лужайкой на длинной скамье
жду

приятеля. Я здесь случайно,
а он в белый корпус вошел навестить
того, кому долго здесь жить.

Вот так и сижу,
вокруг больные, похожи на зебр,
у каждого тысяча дел,

и каких —
задумался на минуту, невольно,
и вздохов сдержать не могу.

А что же мои занятия,
как их объяснить этим людям, если б спросили
ответ? —
Не хочу отбиваться от стаи, и со стаей меня тоже
нет.

ОДИНОЧЕСТВО СЫНА

Полугодовалый мой сын, впервые
увидев себя в зеркале шкафа,
решил — там кто-то другой,

такой же, как он, и ростом, и видом,
стоит напротив,
и радостно стало, как будто
мои два сына, два близнеца, два брата:
«Небесный устой» и «Земной устой»,

танцуют вдвоем
в один голос лепечут, потом
тянут друг к другу ручонки,
возят ладошками, бьют кулачками —
и так же во всем — друг с другом единокровны.

Таково оно — одиночество моего сына —
мирское одиночество первенца-последыша
и почти вселенское одиночество.

* «Небесный устой» и «Земной устой» — аллегорическое
значение имени ребенка в проекции на его воображаемого
брата-близнеца.

ГЭ МАЙ

戈麥

Гэ Май (1967—1991; псевдоним Чжу Фу-цзюня) родился в провинции Хэйлунцзян. В 1985 году поступил на факультет китайской литературы Пекинского университета и вскоре начал писать стихи. После окончания университета работал в иностранной редакции журнала «Китайская литература». В сентябре 1991 года Гэ Май трагически утонул. Подавляющее большинство произведений Гэ Мая, в том числе и «Полное собрание стихов Гэ Мая», опубликовано посмертно, благодаря усилиям его друзей.

ЗВЕЗДЕ В СУМЕРКАХ

В сумерках вошла звезда из земного океана
Черной ночи на краю я стою
Сумерки — как белизна обнаженности — туманны
Кажется, что в небесах я звездой горю

В этот трудный странный миг
Вижу я вчерашний день человечества иначе —
Трое сходятся, друг друга уничтожить — их задача:
Сумерки — как тела крик
Звезды — разочарованья простыня царицы ночи
Я — бескрайний мрак, в котором слепнут очи

И последнее мгновение ясно вижу я во сне —
Под последним из деревьев засухи горит слюда
И последний самый звук в тишине
Как прощанье с этим миром
в сумерках горит звезда

1990

ХАЙ-ЦЗЫ

Небесный талант, что так рано ушел,
О как же мне выразить боль!
Он умер! Он умер! Не стало его,
Лишь пепел недвижимый на сердце моем —
Сгоревших, несказанных слов.

Ушел человек — умирают стихи.
Немеют и слепнут они,
Герою-убийце ныне сродни,
У трона тирана паяцем они
Пред гробом с покойным поют.

Стихи убивают — ушел человек.
Теперь я согласен с тобой:
Поэзия — отзвук химеры пустой,
Живет по ошибке, но точно косой
Срезает твой жизненный век.

1990

ЛАНЬ-ЛАНЬ

藍藍

Ху Лань-лань родилась в 1967 году в Яньтае, что в провинции Шаньдун. Позднее семья переехала в Хэнань. В 1988 году Лань-лань закончила Чжэнчжоуский университет. Первое ее стихотворение («Я хочу петь») было опубликовано в 1980 году, когда Лань-лань исполнилось тринадцать лет. *Среди книг:* «Внутренняя жизнь», «Детский лепет Лань-лань», и др.

ТЫ МНЕ НРАВИШЬСЯ

Ты мне нравишься.
Здесь, под твоею горою
В небо смотрит-глядится алоэ,
Я нашла молодые ростки,
И затухли угли тоски,
Будто свежей водой ключевой
Были залиты.

Там, где с тобою
В небесах мы бродили и пели,
Все деревья уже облетели,
Я следы не могу отыскать,
Даже злая ищейка-тоска
Не найдет их из листьев в метели,
В этой дáли.

Ты мне нравишься.
Здесь, в свете ясной луны,
В свете робкой неверной весны,
Благодарно цветы расцветают,
Горный склон как ковром укрывая:
Они видят любовные сны —
Соком налиты.

Ты мне нравишься.
Бесконечна весна молодая,
Солнце яростно в небе сияет.
Отложила я книги в сторонку
И бегу и смеюсь как девчонка:
Сердце робко и нежно играет
На любовной свирели.

Это сердце поэта.
В нем — как в источнике вод —
Оживают слова, в нем цветет
Ясным цветом любовь. Так сказала я —
И весна бесконечная, шалая,
Сквозь меня прорастает-растет
В самом деле.

Ты мне нравишься.
В небе нашей безбрежной любви
Ты поэта пойми и прими.
Я рыдать не хочу от разлуки.
Мне навстречу иди — твои руки
Пусть обнимут меня, пусть хранят.
Век бы грели!

1992

ШАХТЕРУ

Жизнь приходит из мрака.
Ты смеешься, шахтер, так светло!
Чернота под ногтями,
Копоть на лбу...
Твоя чернота
Изначальный мрак высветляет.

В глубине подземелий
Ты рождаешь, шахтер, чистый свет!
Сырость темных забоев,
Жужжание троса,
Клеть лифта —
Так привычны в работе твоей.

Во мраке подземных угодий
Ты, шахтер, как река, что течет
Сквозь породы,
Гранит пробивая,
Уголь пластая,
Добывая свет из темных глубин.

Наверху, под взорами ясного солнца,
Я тебе бесполезна, шахтер!

Пластаю слова,
Пробиваюсь к смыслу,
Но не могу
Гору угля поднять на кончик пера.

2005

СИ ДУ

西渡

Си Ду родился в 1967 году в Чжэцзяне. В 1985 году поступил на факультет китайской литературы Пекинского университета, после окончания которого долгое время работал помощником редактора. Стихи начал писать еще в университете, после 1996 года занялся также литературной критикой. *Среди книг:* «Семья травы» и «Платон на фоне дождя».

КРОШЕЧНАЯ ЛОШАДКА

Крошечная лошадка
Живет у меня в кармане.
Крошечная лошадка —
Свет восковой луны,
Свет невесты на свадьбе.
Крошечная лошадка,
Я слышал: ты плакала в поле,
Жалобно, как дитя.
Спи у меня в кармане,
Никто тебя не обидит.
Крошечная лошадка!
Дни идут серым стадом,
И наша любовь украдкой —
Лампочка в темном кармане,
Крошечное сердечко.

В ИХЭЮАНЕ СМОТРЮ НА ВОРОН

Как будто лист, взлетевший в небо,
Как взмывший ввысь монах-чернец,
Молитвы мрачные читавший, — я вижу
Гладь воды, что дамбу обступила.

Здесь, в уголке имперского имения,
Не видно никого. Похоже,
Навечно он пожалован воронам,
Что с криками над головой всё вьются.

Весь день я одиноко просидел
На берегу пруда, хлопками их пугая
И заставляя в беспокойстве с дерева слетать —
Как будто вестников, что адскую бумагу

Доставили в сей мир.

И вновь они садились на деревья,
Летучим пеплом исторических страниц...
Глубокой ночью — да, я знаю! — они ворвутся
В сон мой крепкий
и будут требовать их славящих стихов.

ИНЬ ЛИ-ЧУАНЬ

尹麗川

Инь Ли-чуань родилась в 1973 году в Чунцине, закончила факультет западноевропейских языков и литературы Пекинского университета. Стихи пишет с 1999 года. *Среди книг:* «Еще послужу», «Бандит», «37,8».

ТРЕТЬЕЙ

Тебе судьба дала родиться третьей,
И хоть ты прелести исполнена была,
Нерадостно жилось тебе на свете,
Обиды чашу испила до дна.

Милей сестер и внешностью и нравом,
И духом тверже, и душой ясна,
Ты доживаешь жизнь свою одна...
Но те, кто вслед смеются, вряд ли правы.

Да, твои сестры замужем, и дети
Их тешат старость, берегут покой.
Нерадостно жилось тебе на свете:
Весь век — одной.

Любви искала... Пролетели годы,
Увяла красота под грузом лет.
Ни мужа, ни семьи... Одни невзгоды
Да горестные времени приметы.

Ты так хотела счастья... Не успела.
И вот, изнемогая от тоски,
Седые вырываешь волосы —
В печали от дряхлеющего тела.

2003

СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Не ваша я, о благородные мужи!
Не ваша я, о мелкие людишки!
Я ваша и не ваша. Все сложнее.
Мне ненавистны мелкие людишки —
Они в сердцах своих мрачны, ничтожны,
И я при виде их невольно тоже
Вступаю в бурю мелочных страстей.
А благородные мужи в небесных далях —
Так высоки, так далеки, прекрасны.
Но все же и они не стоят
Песчинки маленькой у ног моих.

2005

УЕЗДНАЯ БАРЫШНЯ

Девушка уездная —
 платформа, брюки-клёш,
Попа вся обтянута.
 Такую не проймешь!
Мечтания копеечные,
 семечки в горсти.
Денежки припрятаны.
 Должно повезти!
В городской автобус
 лезет напролом.
В шелухе от семечек
 трасса вся потом.

2005

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лю Вэнь-фэй. От составителя</i>	4
<i>О. Трофимова. От издателей.....</i>	14
<i>Р. Казакова. Нихао, Китай!.....</i>	18
 <i>ЧЖЭН МИНЬ (перевод И. Алимова)</i>	
Ты прошла осеннею тропою.....	22
Окровавленный лилии цветок	23
Зов	24
<i>ЦЗЭН ЧЖО (перевод И. Алимова)</i>	
Дерево на обрыве.....	27
<i>НЮ ХАНЬ</i>	
Дерево в полствола (перевод И. Алимова и	
О. Трофимовой)	29
Хуананьский тигр (перевод И. Алимова).....	31
<i>ГУН ЛЮ (перевод И. Алимова)</i>	
По поводу картины Ло Чжун-ли «Отец».....	34
<i>ХУЭЙ ВА (перевод О. Трофимовой)</i>	
Одна только птичка поет	39
Не надо роз.....	40
Детский голос	41
<i>ЮЙ ГУАН-ЧЖУН (перевод И. Алимова)</i>	
Ностальгия	44
Ослик	45
<i>ШАО ЯНЬ-СЯН (перевод И. Алимова)</i>	
Китайские автомобили вызывают	
о скоростных дорогах.....	48

ЧАН ЯО	
Рога оленя (перевод О. Трофимовой)	53
На краю снежных гор (перевод О. Трофимовой) ...	54
Человек (перевод И. Алимова)	55
Жизнь (перевод Н. Красникова)	56
СИ МУ-ЖУН (перевод Е. Исаевой)	
Песня о Великой стене	58
ФУ ТЯНЬ-ЛИНЬ	
Материнская любовь (перевод И. Алимова)	60
Любовь (перевод Е. Исаевой)	61
ШИ ЧЖИ (перевод И. Ли)	
Верь в будущее	64
Это Пекин в шестнадцать ноль восемь минут	66
Лавры поэта	68
Мысли о смерти	69
БЭЙ ДАО	
Ответ (перевод И. Алимова)	71
Древний храм (перевод И. Ермаковой)	73
Удар колокола (перевод И. Ермаковой)	74
Полночный певец (перевод И. Алимова и	
О. Трофимовой)	76
У околицы (перевод О. Трофимовой)	78
День (перевод И. Чудновой)	78
ЦЗЯН ХЭ (перевод И. Алимова)	
Вариации на звездную тему	81
ЛИНЬ МАН (перевод Т. Кузовлевой)	
Звук капающей воды	84
Снег в конце зимы	86
Это весна и не только весна	88
МАН КЭ (перевод И. Алимова и О. Трофимовой)	
Подсолнух в лучах солнца	90

ДО-ДО	
К солнцу (перевод И. Алимова)	92
Как прежде (перевод А. Ананичева)	93
ШУ ТИН	
Дубу (перевод Г. Климовой)	96
Двухмачтовая лодка (перевод И. Алимова)	98
ЧЖОУ ЛУНЬ-Ю (перевод Е. Исаевой)	
Смотри: горит свеча	100
ЛЯН СЯО-БИНЬ	
Белоснежная стена (перевод И. Алимова)	103
Китай, я потерял свой ключ (перевод И. Алимова и О. Трофимовой)	105
ЮЙ ЦЗЯНЬ	
Прячущаяся от дождя птаха (перевод О. Трофимовой)	108
Из «Коротких стихотворений» (перевод И. Алимова и Н. Караева)	109
Целый день весенний (перевод О. Трофимовой)	115
ВАН СЯО-НИ	
Май (перевод О. Трофимовой)	117
Наши сумерки (перевод И. Ермаковой)	118
ЯН ЛЯНЬ (перевод И. Смирнова)	
Дом, подобный тени	120
Портрет, опасаящийся морозов	122
Бабочка мести	124
СЯН ЯН (перевод М. Драбкина)	
Морщины на лбу	126
МАО СЮ-ПУ (перевод Р. Казаковой)	
Два стихотворения из цикла «Погребальные песни "Курску"»	
Трагический миг	129

Сострадание рыб.....	130
ГУ ЧЭН	
Поколение (<i>перевод И. Алимова</i>).....	132
Далёкое и близкое (<i>перевод И. Алимова</i>)	133
Моей покойной бабушке (<i>перевод О. Трофимовой</i>)	134
ЛИНЬ ЦЗЯНЬ-ЛУН (<i>перевод И. Чудновой</i>)	
Рыба 1.....	138
Рыба 2.....	139
Молния.....	140
Слеза	141
Визит в больницу	142
Утро.....	143
Родиться	144
Утро мегаполиса	145
Лягушка	146
Пугало	147
ОУЯН ЦЗЯН-ХЭ (<i>перевод Р. Казаковой</i>)	
Стекольный завод	148
ЦАО ХАНЬ-ЦЗЮНЬ (<i>перевод А. Ивантера</i>)	
Китай, ты стоишь высоко на лесах.....	148
ВАН ЦЗЯ-СИНЬ (<i>перевод И. Ермаковой</i>)	
Стихотворение	156
Провожая сына в Америку	159
ХЭЙ ДА-ЧУНЬ (<i>перевод Н. Красникова</i>)	
Осень	161
ТАНЬ БЯО (<i>перевод Т. Кузовлевой</i>)	
Печальные глаза на берегу	165
На пристани манящие глаза.....	167
ХАНЬ ДУН	
Ты видел море (<i>перевод И. Алимова</i>)	168

О Пагоде диких гусей (перевод О. Трофимовой)	170
Папа смотрит на меня с небес (перевод М. Драбкина)	172
ЛО И-ХЭ (перевод Н. Караева)	
Подсолнух	175
Майские цветы	177
СИ ЧУАНЬ	
Человек стареет (перевод С. Надеева)	179
Моя бабушка (перевод Г. Нерпиной)	182
Молчание (перевод Г. Нерпиной)	183
Впечатление (перевод Г. Нерпиной)	184
Равнина (перевод Г. Нерпиной)	185
Описание комара (перевод Г. Нерпиной)	188
ХУАН ЦАНЬ-ЖАНЬ	
Жалящая Марина (перевод Г. Климовой)	191
Ду Фу (перевод Н. Караева)	193
ЛЯН СЯО-МИН	
Стекло (перевод С. Надеева)	195
Скоро уже пойдет снег (перевод Г. Климовой)	196
ХАЙ-ЦЗЫ (перевод С. Надеева)	
Азиатская медь	199
Пшеничное поле	200
Поэт и поле	203
Поэт Есенин	205
На рассветном берегу океана распускаются весенние цветы	218
ЦЗАН ДИ	
Шпинат (перевод М. Драбкина)	221
Безымянное озеро (перевод Н. Красникова)	223
ШУ ЦАЙ (перевод А. Герасимова)	
Покой	225

Осень в абсолюте	226
И ША (<i>перевод И. Чудновой</i>)	
Ожидая в доме умалишенных	230
Одиночество сына.....	231
ГЭ МАЙ	
Звезде в сумерках (<i>перевод Е. Исаевой</i>)	232
Хай-цзы (<i>перевод О. Трофимовой</i>)	233
ЛАНЬ-ЛАНЬ	
Ты мне нравишься (<i>перевод О. Трофимовой</i>)	235
Шахтеру (<i>перевод О. Трофимовой</i>)	237
СИ ДУ	
Крошечная лошадка (<i>перевод Н. Красникова</i>)	240
В Ихэюане смотрю на ворон	
(<i>перевод И. Алимова</i>)	241
ИНЬ ЛИ-ЧУАНЬ	
Третьей (<i>перевод О. Трофимовой</i>)	243
Среди людей (<i>перевод И. Алимова</i>)	244
Уездная барышня (<i>перевод И. Алимова</i>)	245

**Азиатская медь:
Антология современной китайской поэзии**

Художественное издание

ISBN 978-5-85803-358-5

Редактор — *Ольга Трофимова*
Корректор — *Наталья Сызранская*
Технический редактор — *Лев Гохман*
Художественный редактор — *Петр Светлов*
Дизайн обложки — *Антонин Каллас*

Макет подготовлен в издательстве
«Петербургское Востоковедение»
✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
Тел.: (812) 315 22 77

Подписано в печать 06.08.2007
Формат 10х100 1/32. Бумага офсетная
Печать офсетная. Объем 10 усл.-печ. л.
Тираж 1000 экз. Заказ № 4169

Отпечатано с готовых диапозитивов
В ГУП «Типография "Наука"»
199034, Россия, Санкт-Петербург,
9 линия ВО, дом 12

PRINTED IN RUSSIA